
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 13 (2396) Суббота, 14 февраля 1948 года. Цена 40 коп.

Об ответственности критики

Основоположник русской литературной критики В. Г. Белинский считал призвание критика высоким и священным: критик, говорил Белинский, призван быть судьею литературных произведений, а ошибки судьи должны быть осуждаемы с особой суровостью.

Глубокое сознание личной ответственности за судьбы родной литературы, за направление творчества писателя и правильную ориентировку читателей — это сознание личной ответственности было внутренне присуще всем истинно великим деятелям русской литературной критики.

Классические произведения представителей революционно-демократической литературно-критической мысли — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, статьи и высказывания и практический опыт редакторской деятельности Некрасова, Салтыкова-Щедрина свидетельствуют о том, что в творческом методе великих критиков гневной непримиримости к литературным явлениям, искажающим действительность, сопутствовала бережливость в отношении ко всем произведениям, которые были отмечены правдой жизни, стремлением быть наравне с передовыми идеями времени. Мудрыми и рачительными хозяевами сложного и неисчислимого идейно-художественного богатства родной литературы чувствовали они себя и разумно руководили развитием литературного процесса в целом, направляли и воспитывали писателей.

Ленинский принцип партийности явился величайшим вкладом в науку о литературе, в теорию литературной критики. В свете его вновь ожили, приобрели новое звучание и глубину, были подняты на новую высоту все лучшие традиции русской критики. Принцип большевистской партийности требует органического сочетания непримиримости ко всему, что враждебно делу социализма, с умением поддерживать и заботливо лелеять ростки нового, передового. Он требует умения видеть всю конкретную сложность процесса литературного развития, отделять передовое от отсталого в общем литературном процессе, в творчестве отдельных писателей и в отдельно взятых произведениях. Пример большевистской литературной критики — ленинские статьи о Льве Толстом. Суровая и беспощадная правда о реакционных сторонах в творчестве Толстого сочетается в них с открытием тех сторон его творчества, в которых заключается истинное величие Толстого, возвышающее его над всеми художниками прошлого. Эти статьи продиктованы любовью к одному из великих русских гениев, заботой о раскрытии и правильном использовании народом богатого наследства, оставленного Л. Толстым.

Принцип большевистской партийности требует от каждого, кто работает в области литературной критики, беззаветной любви к своему делу, глубокого чувства личной ответственности за все хорошее и плохое в советском литературном хозяйстве. Только любовь к родной литературе может освятить, сделать плодотворной ненависть ко всем чуждым и враждебным влияниям в литературе, к чуждым идеям, к тому, что мешает движению нашей литературы вперед.

Именно такому подходу ко всем явлениям советской литературы учит нас великий Сталин, мудрый друг и руководитель советских писателей.

Все решения партии по общим, принципиальным вопросам литературы, партийные указания, посвященные отдельным литературным явлениям, проникнуты большевистской заботой о будущности советской литературы: непримиримостью к враждебным влияниям и бережным отношением к творчеству честных тружеников, равно зрелых мастеров и молодых авторов, только начинающих свой творческий путь.

Забота о судьбах советской литературы, хозяйское отношение к литературному делу, как части общего дела строительства коммунизма, наглядно видны на примере послевоенных постановлений ЦК партии о литературе и искусстве и выступлений партийной печати по отдельным литературным произведениям.

Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года и доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» подчеркнули, что истинная забота о развитии советской литературы неразрывно связана с беспощадной борьбой против безидейности, аполитичности, низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада. Эти партийные документы вскрыли, что всякие проявления беспринципного либерализма в литературной среде, личные и приятельские взаимоотношения, приводящие к ослаблению самокритики, тормозят рост и развитие нашей литературы.

Решения Центрального Комитета ВКП(б) по вопросам литературы и искусства высоко подняли в глазах всего народа роль и значение художественной литературы в деле строительства коммунистического общества, указали направление ее развития.

О необходимости партийного отношения к делу литературы еще раз напомнила редакционная статья в газете «Культура и жизнь»—«Дубинка вместо критики». Эта статья чрезвычайно своевременна. Критическая дубинка, к сожалению, все еще находит себе применение в нашей печати. Для критических выступлений подобного рода характерно отсутствие у их авторов живого, хозяйского чувства, сознания ответственности перед читателем и писателем. Барски-снисходительное бормотание, грубость и неделикатность по отношению к писателю, передержки в целях доказательства своей несправедливой оценки произведения — таковы основные признаки «критики на уничтожение», прямо противоположной подлинно большевистской литературной критике.

Появление таких статей и рецензий свидетельствует, что отдельные наши критики не понимают своей прямой и основной обязанности — воспитание литератора, подменяют задачу выращивания и направления писателей обывательским желанием покритиковать во что бы то ни стало, свою воображаемую «образованность показать». Вместо того, чтобы проникнуть в сущность произведения, отыскать в нем и решительно поддержать все новое и передовое, что удалось автору увидеть в жизни, оценить в равной мере замысел и выполнение, указать автору на недостатки и вдохновить его к совершенствованию своего таланта, — заушательская критика только запугивает писателя и дезориентирует читательские массы.

В упомянутой статье газета «Культура и жизнь» очень своевременно напомнила высказывание Горького: «Критика должна учить писать просто, ясно, убедительно. Если критикуемый писатель не изобличается как явный или скрытый враг, а пишет только плохо, неверно, искажая действительность, не умея отличить важное от неважного, следует спокойно и серьезно об'яснить ему, что неверно, почему плохо, чем искажено. А орать на него, издеваться над ним — это значит пользоваться приемами преподавателей неоспоримых истин в старых царских школах, где обучалась интеллигенция «применительно к подлости», как сказал Салтыков-Щедрин».

Косностью, рутиной, мещанским эгоизмом веет от критического заушательства. Его излюбленные приемы противоречат самому духу советской литературной критики, духу нашего социалистического общества.

Задача советского критика состоит в том, чтобы, беспощадно разоблачая любые проявления аполитичности, безидейности, формализма, низкопоклонства перед буржуазной культурой, вместе с тем решительно поддерживать художественные произведения, проникнутые чувством нового, имеющие целью помогать строительству коммунизма. Не корысть, не эгоистическое желание блеснуть пустым острословием, а забота о расцвете советской литературы, о ее идейно-художественном развитии, а следовательно, о повышении ее роли и значения в деле строительства коммунизма, руководит советской литературной критикой в ее повседневной практике. Советская литературная критика служит интересам не отдельных литературных гурманов, а всему советскому народу. Ей свойственна поэтому высокая большевистская принципиальность, отсутствие преклонения перед именами и барской снисходительности к молодым, неопытным авторам, начинающим свой творческий путь.

Подобно мудрому садовнику, советская литературная критика призвана выращивать богатый сад советской литературы, тщательно выпалывая чертополох и сорняки, бережно ухаживая за ростками новых талантов, в которых заключено будущее нашей литературы.

Сложны и ответственны идейно-воспитательные задачи, стоящие перед советской литературной критикой. Велика ее ответственность. Но залогом выполнения этих задач служит то, что развитием нашей критики, равно как и литературы, руководит великая партия Ленина — Сталина. Указания партии дают нам вдохновляющий пример большевистски принципиального, бережного и взыскательного отношения к родной советской литературе.

М. ИСАКОВСКИЙ

НАРОД ПРИВЕТСТВУЕТ

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» является документом первостепенной важности, документом исторического значения. Оно знаменует собою коренной поворот во всей музыкальной жизни нашей страны и является как нельзя более своевременным.

Советская музыка должна служить народу, она призвана вызывать в людях самые лучшие чувства, возбуждать бодрость, уверенность, любовь к жизни. Совсем иное воздействие на человека производила музыка композиторов формалистического направления (Д. Шостаковича, В. Шебалина, С. Прокофьева, Н. Мясковского, А. Хачатуряна, Г. Попова и др.). Она раздражала, слушать ее было просто мучительно. И само собой разумеется, что «наслаждаться» подобными музыкальными произведениями могли лишь люди с нездоровым, извращенным вкусом.

Решение ЦК ВКП(б), со всей глубиной и резкостью осудившее формалистические извращения в музыке, от которых «сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки», встречено в нашей стране с огромным удовлетворением всеми слоями населения.

Центральный Комитет партии не только вскрыл крупнейшие и вреднейшие ошибки в работе композиторов, но и наметил единственно правильный путь дальнейшего развития советской музыкальной культуры. Это, несомненно, уже в ближайшее время принесет свои плоды.

Постановление ЦК ВКП(б) о музыке имеет, на мой взгляд, непосредственное отношение и к другим видам искусства, в частности, к литературе. Я думаю, что в нашей литературе (в особенности у некоторых поэтов) все еще имеются формалистические, антинародные тенденции. Писатели должны внимательнейшим образом изучить постановление ЦК ВКП(б) и сделать из него глубокие выводы применительно к своей работе.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Музыка и поэзия

Постановление Центрального Комитета партии «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» со всей ясностью и определенностью ставит и разрешает вопросы музыкального искусства, его природы, формы, важнейших жанров. Глубоко принципиальная основа разрешения этих вопросов во многом относится к искусству вообще.

Дело не в том, что все роды искусств несут в себе элементы музыки, подчинены законам ритма и своеобразной «мелодии», будь то даже живопись, скульптура, архитектура, а просто в том, что всякое содержательное, высокоидейное искусство, при всех особенностях рода, мыслится, как идеал и в совершенстве своей формы, в ее изяществе, ясности, красоте.

Разумеется, такое совершенство формы мы понимаем как полное соответствие содержанию, идее произведения. Демократичность, доступность восприятию, способность наибольшего эмоционального воздействия на чувства людей — таковы признаки подлинно народного искусства.

Среди многих признаков упадка дореволюционной поэзии, отклонившейся в сторону от большой русской поэтической традиции, может быть, наиболее очевидна утрата ею музыкальной, песенной основы, составляющей природу стиха.

Между прочим, именно в силу глубоко органической, восходящей к народным истокам «музыкальности» своего стиха, Пушкин, Лермонтов, Некрасов вошли в классическую музыку, в народный песенный репертуар.

Поэзия, утрачивающая живую связь с народом, неизбежно становится далекой ему, становится поэзией «для себя», для узкого круга знатоков и практиков стихотворства. Ее мнимое новаторство оборачивается узко-формальными приметами новизны, «оригинальности», гипертрофией какой-либо частности формы, вроде, скажем, рифмы, которая вдруг, в ущерб гармонии всех средств стиха, становится назойливо выпячивающейся, редкостной для редкостности. Отсюда же происходят такие издержки поисков «новых размеров», новых ритмических ходов, когда стихи становятся нарочито трудными для произношения и восприятия, аритмичными до того, что чтение их становится схожим, как это кем-то удачно сказано, с ходьбой по шпалам, где приходится то и дело менять шаг.

Четырехстопный ямб «Евгения Онегина» Пушкина и «Тишины» или «Поэта и гражданина» Некрасова — это совершенно разные вещи. Сами эти обозначения—ямб, хорей и т. д. — являются, по существу, условностью, грубой абстракцией в приложении к живым образцам поэзии. Сила поэтической индивидуальности всякий размер «присваивает» настолько, что эта абстракция — такой-то ямб или хорей — вообще не воспринимается. Выступает она там, где налицо эпигонство.

Постановление ЦК партии призывает к глубокому творческому усвоению богатств классического наследства и народного творчества, на основе которых только и возможно подлинное новаторство в искусстве.

Лев ОШАНИН

Создадим крылатые песни

Мудрое постановление ЦК ВКП(б) о музыке заставляет задуматься и нас, поэтов-песенников, еще раз пересмотреть свое творчество. Центральный Комитет ставит перед нами задачу борьбы за народность искусства. Художественные произведения должны быть любимы народом и воспитывать народ, помогать людям итти к коммунизму, отрешаясь от пережитков и предрассудков буржуазного общества.

Вот почему с новой остротой встал вопрос о борьбе с формализмом в творчестве, с низкопоклонством перед маразмом западного искусства. Вот почему беспощадной должна быть борьба с извращенными вкусами эстетствующих индивидуалистов в музыкальной критике, голоса которых порой слышны и на писательских творческих встречах.

Как это ни парадоксально, один из самых народных жанров поэзии — песня — до сих пор не нашел влюбленного и сурового поэтического критика. На недавней дискуссии о поэзии 1947 года докладчик А. Тарасенков вовсе исключил песню из круга обсуждаемых вопросов. В нашей печати за целый год была напечатана всего лишь одна статья о песне, не было поставлено ни одного вопроса, связанного с песенной работой поэтов. А ведь песня — сложный жанр. Тиражи лучших песен огромны. Над песнями продуктивно работают многие поэты.

Наряду с удачными произведениями поэтов-песенников, на полках нотных магазинов немало поэтической макулатуры, изданной Музгизом и особенно Музфондом.

Достаточно вспомнить хотя бы удивительную по своей пошлости и безграмотности песню П. Германа (музыка Мальтера) «Чего только он не видал» (Музгиз, 1947 г.).

В этой песне о человеке, на котором «голубая в цветочках рубашка», который «и каких не встречал стран и рек»,—мы читаем следующее:

Нынче он — председатель колхоза,
Занят пашней, звеном (!) и обозом,
Делово обо всем рассуждает.

И такому, с позволения сказать, творчеству никто не преградил дороги к слушателям.

Хотя в постановлении Центрального Комитета партии и отмечаются «отдельные успехи некоторых советских композиторов в области создания новых песен, нашедших признание и широкое распространение в народе», было бы неверно думать, что на песенном фронте все благополучно. Немало еще под флагом советской песни ходит пошленьких мелодий, порою перелицованных из американских фокстротов. Во многих песнях стерлись пустые слова. Песенники—поэты и композиторы—в долгу перед народом. Если в дни войны наша армия с советской песней шла на штурм Берлина, то сейчас мало новых политических песен, нет песни послевоенных сталинских пятилеток.

Народ нельзя заставить петь то, что не трогает его сердце. Но зато с невиданной силой и широтой проносит наш народ полюбившуюся ему песню, и она прочно входит в трудовую жизнь отчизны, как в свое время «Песня о Родине» Лебедева-Кумача и Дунаевского, как многие песни военных лет.

Вот где самая благородная задача поэтов и композиторов-песенников! Выполнить ее можно, только живя всеми радостями и бедами своего народа, понимая всю сложность и богатство процессов, совершающихся в его сознании. Не случайно в музыке лучших песен В. Захарова, А. Новикова, В. Соловьева-Седого, М. Блантера звучат подлинно народные интонации.

Песня имеет двух авторов. Музыка— крылья, которые несут песню, слова — это то, что несут эти крылья, идейное наполнение песни. Слова придают песне конкретность, точность адреса. Поэты и композиторы все теснее сближаются друг с другом в повседневной творческой работе. Песня часто рождается у рояля. И так же, как композитор отвечает за стихи, на которые он пишет музыку, так же мы, поэты, должны отвечать за работу композитора. Песня не может выпускаться в свет, если поэт не знает музыки или не одобряет ее. И когда Алексей Иванов поет по радио песню «Золотился закат»,—это песня не только М. Фрадкина, но и Е. Долматовского. «Шумел сурово брянский лес» — это песня не только С. Каца, но и А. Софронова. «Россия» — песня не только А. Новикова, но и С. Алымова. Это необходимо знать, чтобы слушатель мог следить за работой поэтов-песенников, видеть их удачи и срывы, чтобы работа поэтов не была безымянной.

Песни надо обсуждать в печати и в Союзе писателей так же, как поэтические сборники и стихи, напечатанные в толстых журналах. Это трудно, потому что для этого надо понимать музыку и чувствовать особенности песенного стиха, но это необходимо. Вывести песню из числа «необсуждаемых жанров» — очередная задача бюро секции поэтов и секретариата Союза писателей.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) о музыке зовет литераторов к еще более близкому общению с композиторами. Но и государственная задача создания классической советской оперы не может быть решена без участия поэта-драматурга. Наши поэты-драматурги и поэты-песенники, прекрасно чувствующие особенности вокального слова, должны внести свой вклад в решение задачи создания идейной, высокохудожественной советской оперы.

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля наметило ясные пути развития народной советской музыки. Советские писатели могут и должны приложить все силы, чтобы в короткий срок помочь композиторам восполнить пробелы вокальной музыки, нетерпимые на фоне общего под'ема советской культуры.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Дорога указана прямая!

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели «Великая дружба» касается, разумеется, не только музыкантов. Великий смысл этого постановления распространяется на все советское искусство целиком и на поэзию в частности.

«Музыкальные гурманы», высокомерно обвиняющие в «эпигонстве» и «примитиве» тех, кто пытается добросовестно развивать приемы классической, реалистической манеры письма, есть и в среде наших поэтов, и в среде критиков.

Постановление ЦК ВКП(б) говорит нам, литераторам: боритесь за ясность, простоту и точность.

Народ всегда любил и будет любить правду жизни в искусстве, показанную в доходчивой и запоминающейся форме. Поиски новых средств изображения не должны уводить художника в сторону от его прямого долга быть понятным и гармоничным в своих творениях. Оригинальничание и безудержное формалистское экспериментаторство в музыке не одиноки, они имеют родных своих братьев и в литературе, и в живописи, и в архитектуре.

Сколько раз случалось нам, включив радиоприемник, слушать непонятный, беснующийся скрежет наскакивающих друг на друга звуков.

Но разве не приходилось нам, напрягая все свое внимание, пытаться уловить хоть какой-нибудь смысл в только что появившихся новых стихах, напечатанных в том или ином издании, и отодвигать со вздохом сборник или журнал. Стремление во что бы то ни стало быть «оригинальным» в форме без мысли о содержании, слепое подражание штукарству Запада — вот верные спутники всяких эстетствующих индивидуалистов.

Какой равнодушной декламацией, холодным фразерством несет от сочинений подобного рода, не трогающих человеческой души. И обидней всего то, что до сих пор творчество эстетствующих снобов имеет своих ярых защитников и стражей, пытающихся «теоретически» доказать законность такого положения вещей.

Нельзя советскому народу, имеющему в сокровищнице национальной культуры величайшие образцы художественной ясности и простоты, навязать вздорный вкус фиглярствующих одиночек! «Ложно понятое новаторство» — как это исчерпывающе правильно сказано в решении ЦК ВКП(б) в отношении композиторов, превративших напевность в выкрик, мелодию в сумбур, плавность в скачку с препятствиями. Нет, советский новатор— это друг народа, передовой его представитель, совершенствующий и двигающий свое дело вперед, а не дезорганизующий его, не конфликтующий с разумом времени.

Естественное чувство благодарности испытал я, читая постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба»: дорога указана прямая!

Профессия поэта во многом близка профессии композитора. Природу музыки в ее чистом виде и природу музыкального слова роднят не только ритм и фонетическое согласие; их сближают, прежде всего, полет мысли, сила чувства, эмоциональный порыв, сердцем понятый голос и язык народа.

Нам, поэтам, в ближайшем будущем предстоит большая и горячая работа в содружестве с композиторами. Будем же верить в завтрашний счастливый день нашей творческой дружбы, будем верить в творческие удачи. Они придут, если каждый из нас проникнется единственно верным стремлением: жить и работать для народа, достойного великих художественных открытий.

Тебе, Советская Армия, наш вдохновенный труд!

Под таким девизом состоялась в Центральном доме Красной Армии встреча писателей-фронтовиков с бойцами, офицерами и генералами, устроенная Союзом советских писателей и редакцией журнала «Советский воин».

О великих создателях Красной Армии— Ленине и Сталине, о полководцах сталинской закалки — Ворошилове и Фрунзе говорил в своем выступлении Вс. Вишневский.

Писатель генерал-майор Н. Гарнич рассказал о своих встречах с героем гражданской войны Боженко. Отрывок из поэмы «Слово о 28 гвардейцах-панфиловцах» прочитал поэт Николай Тихонов, дважды участвовавший в обороне города Ленина — от белогвардейских банд Юденича и от гитлеровских полчищ.

Стихи эпохи гражданской войны — «Гренада» М. Светлова, стихи времен войны с белофиннами и Великой Отечественной войны, прочитанные поэтами П. Шубиным, А. Сурковым, М. Голодным, И. Френкелем, А. Безыменским, А. Недогоновым, — вся история нашей армии, воплощенная в поэзии, прошла перед слушателями.

— Стихи рождались от готовности писателя все отдать народу. Традиции труда для народа, жизни для народа крепки среди нас! — сказал Вс. Вишневский.

Читали свои произведения писатели А. Исбах и П. Вершигора. Во втором отделении выступали авторы сатирических произведений—Л. Ленч, Б. Ласкин, С. Васильев, М. Слободской.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении писателя Безыменского А. И. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области художественной литературы и в связи с 50-летием со дня рождения наградить писателя **Безыменского Александра Ильича орденом Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **Н. ШВЕРНИК.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 11 февраля 1948 г.

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

ИТАЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ

К 100-летию „Манифеста Коммунистической партии“

МОСКВА.

В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина откроется на-днях выставка книг, газет и журналов, посвященная 100-летию со дня опубликования «Манифеста Коммунистической партии».

Материалы вводной части выставки раскрывают значение «Манифеста» для человечества и роль, которую он играет в развитии борьбы трудящихся всего мира за уничтожение капитализма.

Один из разделов выставки даст представление о политической обстановке, в которой создавался «Манифест», об истоках возникновения этого важнейшего программного документа марксизма. Посетители увидят в витринах фотокопию текста первой статьи устава «Союза коммунистов», высказывания Ленина об этом союзе и о работе в нем Маркса и Энгельса. Большой интерес представляют фотокопии предисловий К. Маркса и Ф. Энгельса к различным изданиям «Манифеста» и, в том числе, к русскому изданию 1882 года.

Другие разделы посвящены развитию Лениным и Сталиным идей «Манифеста» и торжеству этих идей в нашей стране.

Заканчивается выставка экспозицией, показывающей рост заграничных компартий, их борьбу за свободу и независимость своих стран.

Витрины выставки украсят многочисленные издания «Манифеста» на русском и иностранных языках, а также на языках народов СССР.

* * *

КИЕВ.

В библиотеке Академии наук УССР открывается выставка, посвященная столетию со дня выхода «Манифеста Коммунистической партии». Выставка состоит из семи разделов. Будут экспонированы редкие издания «Манифеста», находящиеся в библиотеке Академии наук Украины. Среди них—нелегальное издание «Манифеста Коммунистической партии», выпущенное в Женеве в 1903 году, и экземпляр, напечатанный на украинском языке во Львове в 1905 году.

Большой интерес представляют экземпляры «Манифеста», выпущенные под другими названиями. Среди них — изданный в Петербурге в 1905 году «Манифест» под названием «Философия истории».

К столетию со дня опубликования «Манифеста Коммунистической партии» Украинское издательство политической литературы выпускает юбилейное издание этого исторического документа. Перевод его на украинский язык осуществлен Украинским филиалом Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

О чем молчат фальсификаторы истории

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ

Свыше года назад в государственном аппарате США произошел эпизод, почти не отраженный крикливой и падкой до всякого рода сенсаций американской буржуазной печатью. Мы имеем в виду молниеносный уход в отставку (следовало бы сказать, «угон в отставку») помощника министра юстиции Рогге, с которым начальство обошлось в духе хорошо известного предложения: «Позвольте вам выйти вон». После столь властного окрика у Рогге не оставалось выбора, и он покинул свой пост. Дело все же на этом не закончилось. Одновременно с уходом Рогге таинственно исчез составленный им обстоятельный и подробный доклад, в котором на основе неизвестных и новых фактов доказывалось наличие самых тесных и скандальных связей крупнейших американских монополий — этого «невидимого, но подлинного правительства» США—с гитлеровской Германией. Совершенно понятно, почему уоллстритовские воротилы сочли необходимым организовать «отставку» Рогге и одновременно исчезновение столь мало приятного для них документа.

Шила, однако, в мешке не утаишь, даже если этот «мешок» имеет вид несгораемого сейфа, оборудованного самыми хитроумными сигнальными приспособлениями. Неопровержимых доказательств того, что крупные капиталисты США и их младшие английские партнеры были накрепко, сотнями нитей связаны с зубрами германской реакции и, следовательно, с нацистским режимом, становится с каждым днем все больше.

Так, например, можно считать установленным, что уже в 1936 году, то-есть спустя три года после захвата власти гитлеровцами, Германия занимала ведущее место в 97 крупных международных картелях. В годы подготовки второй мировой войны небольшое центрально-европейское государство Лихтенштейн, внешне играя роль укромного «политического салона», на деле представляло собой, по меткому выражению одного видного иностранного экономиста, «один из центров всемирной сверхнациональной империи». «Империя» эта держалась на трех столпах: американской «Стандард ойл», английской «Ройялл датч шелл» и германской «И. Г. Фарбениндустри». Представители этих трех разбойничьих трестов использовали провинциальный уют Лихтенштейна для того, чтобы здесь, в тиши, разрабатывать планы передела мира с помощью меча, выкованного в Руре. Мы не забыли также и того, что до второй мировой войны дружба между трестами «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» зашла так далеко, что в итоге была основана новая германо-американская компания под единым весьма недвусмысленным названием «Стандард—И. Г.».

Но американский крупный капитал не только всячески помогал гитлеровской Германии готовить вторую мировую войну и развязать ее в наиболее удобный для Германии момент. Он — и это, пожалуй, не менее чудовищно — помогал нацистам вести эту войну! Спустя шесть недель после того, как Гитлер бросил Европу в пропасть военной катастрофы, представитель все той же «Стандард ойл», Фрэнк Говард прибыл в Голландию, где в течение трех дней вел секретные переговоры с германскими промышленниками. В письме к одному из своих коллег он с невозмутимым спокойствием сообщал: «Мы приложили все усилия к тому, чтобы разработать планы модус вивенди, которые могли бы действовать в военных условиях, независимо от того, вступят США в войну или нет».

Спустя месяц тот же Говард заявил представителям «Стандард ойл» в Америке: «Как сможем мы теперь заставить эти воюющие стороны (включая американцев, англичан, голландцев и немцев) улечься в одну постель, еще не вполне ясно. Я надеюсь, что мы найдем какое-нибудь решение. Технологическая работа должна продолжаться, независимо от того, идет война или нет». Таков деловитый цинизм Уолл-стрит.

Предательская и провокационная «технологическая работа», которую все уголовные кодексы мира квалифицируют, как самую черную измену, действительно продолжалась; и, конечно, заправилам «Стандард ойл» не пришлось затрачивать больших усилий, чтобы заставить своих коллег улечься в одну постель. Патрик Гибсон, сотрудник министерства юстиции США, заявил, что уже после того как война началась, руководители «Стандард ойл», обуреваемые своими «брачными страстями», продолжали попрежнему снабжать «И. Г. Фарбениндустри» секретной технической информацией, даже не требуя от нее ничего взамен! 3 июля 1940 года представители «Стандард ойл» телеграфировали в Берлин: «Мы все еще считаем, что в целом соглашение практически осуществимо... Но мы все более обеспокоены основным юридическим положением». Под таким изысканным термином обе союзные стороны понимали не более и не менее, как уже затеянную ими мировую войну!

Поджигатели войны ловко преодолевали препятствия, воздвигаемые на их пути «основным юридическим положением». Уже после вступления США в войну отделение фирмы «И. Г. Фарбениндустри» в Базеле (Швейцария) было с помощью элементарной хитрости превращено в «нейтральную фирму», куда и переводились все находившиеся в Америке капиталы «И. Г. Фарбениндустри», хотя они и были специальным правительственным декретом об'явлены вражеской собственностью.

«Список благодеяний», оказанных американскими трестами гитлеровской Германии уже во время войны, поистине велик и разнообразен. Известно, что американские компании усердно поставляли авиационный бензин немецким и итальянским фирмам в Южной Америке, благодаря чему нацисты вплоть до конца 1941 года не чувствовали блокады. Уильям ла Уорр, бывший в то время руководителем отдела латиноамериканских стран Государственного департамента, заявил на сенатской комиссии, что фашистские самолеты, летавшие во время войны на линии Италия — Бразилия — Аргентина, могли совершать свои рейсы лишь на определенных сортах высокооктанового бензина, который имелся только на складах «Стандард ойл» и ее филиалов в Южной Америке. Когда, в конце 1941 года Государственный департамент все же потребовал прекращения поставок бензина германским авиакомпаниям, у представителей «Стандард ойл» хватило решимости возражать против этого требования, поскольку оно нарушает «существующие договоры».

Все эти старания американских монополий всячески пойти навстречу Германии и помочь ей выиграть войну отлично учитывались в Берлине. Кажется почти невероятным, что по истечении двух лет войны в одном из кабинетов правления «Стандард ойл» в Нью-Йорке раздался однажды телефонный звонок: говорил... Берлин! Это представители фирмы «И. Г. Фарбениндустри», обуреваемые чувством благодарности к своим заокеанским коллегам и друзьям, решили предложить им в срочном порядке солидную сумму за принадлежащие «Стандард ойл» нефтяные заводы, которые находились на территории Венгрии, попавшей под нацистский контроль...

Гюнтер Рейман в своей вышедшей в США и нашумевшей книге «Патенты для Гитлера» писал: «Нацистские самолеты, бомбившие Англию в 1940 году, возможно, летали на авиационном бензине, поставлявшемся «Стандард ойл». Нам кажется совершенно неоправданной та робость, с которой Рейман высказывает свое предположение. Факты ясно свидетельствуют о том, что в поставках бензина для нацистской авиации, стали для нацистских снарядов, клеветы для нацистских лгунов и «вдохновения» для нацистских разбойников самое активное участие принимали наиболее видные из магнатов доллара. И не случайно представитель Государственного департамента Макдермотт на пресс-конференции наотрез отказался комментировать историческую справку Советского информбюро: фальсификаторы истории весьма подвержены припадкам немоты при всяком столкновении с фактами. Но из истории, как известно, именно фактов-то и не выкинешь!

Вы в'езжаете в американский сектор...

Письмо из Берлина

Путь из Потсдама в нашу берлинскую комендатуру лежит через американский сектор. Шофер-немец, доехав до Целендорфа, решил сократить дорогу и свернул с основной магистрали на широкую и тихую асфальтированную улицу. Только он это проделал, как нас обогнал маленький «джип» и резко затормозил, встав поперек дороги. Наша машина едва успела остановиться. Из «джипа» выскочили два солдата американской военной полиции и, ни слова не говоря, начали избивать моего шофера. Я заставил солдат прекратить избиение и потребовал об'яснений. Оказалось, что неподалеку отсюда расположен американский спортивный клуб, и комендатура запретила в воскресные дни проезд по близлежащим улицам всех автомашин, кроме американских.

— Но ведь сегодня пятница! — возразил я.

— Неважно! Немцы должны привыкать об'езжать эти улицы...

Не извинившись и не добавив ни слова, полицейские уехали. Так я впервые познакомился с нравами американского сектора. Позднее мне не раз приходилось наблюдать, как американские полицейские били немецких шоферов за превышение скорости и, не имея возможности об'ясниться с ними, лишь молча указывали пальцем на спидометр.

Американский сектор — приблизительно одна треть Берлина, его юго-западная часть, — внешне почти ничем не отличается от других секторов. Но все же, когда за вашей спиной остаются огромные белые щиты с надписью на трех языках: «Вы в'езжаете в американский сектор», у вас невольно появляется какое-то неприятное чувство...

В прошлом году в Берлине дал несколько концертов скрипач Иегуди Менухин, находившийся в Германии проездом. На одном из них мне довелось побывать. Немцев на этот концерт не пускали под тем предлогом, что они могут заразить американцев... детским параличом. У входа в зал стояли вооруженные солдаты и проверяли документы. Когда начался концерт и зал замер, слушая игру виртуоза, в партере вдруг раздался страшный шум. Оказывается, полицейские обнаружили немца и, громко стуча коваными ботинками, повели его к выходу. Это был известный берлинский музыкант.

После концерта я купил вечернюю газету. На первой странице была напечатана большая фотография: американский офицер раздает немецким школьникам шоколад; подпись гласила: «Так наши дети узнают истинное лицо добрых дядей из-за океана».

«Добрые дяди из-за океана», давно превратившие западную Германию в европейскую колонию Америки — «Бизонию», завели бизонийские порядки и в своей берлинской вотчине. Эти «добрые дяди», иногда для эффектного снимка в газете лицемерно раздающие в школах шоколад и демагогически разглагольствующие об отказе от репараций, организовали невиданный по размерам тайный грабеж Берлина. Каждую ночь из Берлина с Ангальтского вокзала, с товарных станций Лихтерфельде-вест, Мариенфельд, Рулебен уходят на запад товарные составы с награбленными товарами—продукцией берлинских фабрик и заводов. Наиболее ценные грузы вывозятся на самолетах; что подешевле, идет по воде. По подсчетам газеты «Берлинер цейтунг», за последние полтора месяца американцы вывезли на баржах 2.275 тонн одной только мебели. Продукция металлообрабатывающей промышленности и электрооборудование, станки и оптические приборы, химикалии и текстиль, дерево и металлолом — ничем не брезгуют заокеанские «добрые дяди», выкачивая из Берлина все ценное.

Рабочие фирмы «Лоренц», производящей радиоприемники, рассказывали мне, что вся продукция этой фабрики экспортируется американцами из Германии. Фирма получает при расчетах обесцененные немецкие марки, а доллары, вырученные от продажи радиоприемников, кладет в свой карман «Англо-американское экспортно-импортное общество». Это всем известная и давно уже разоблаченная жульническая операция.

Но есть и более утонченные способы американского грабежа. Существует, например, в «Бизонии» закон № 52, изданный американцами; один из пунктов закона гласит, что продажа произведений искусства разрешается только под контролем военных властей. Другими словами, человек, желающий продать принадлежащую ему картину, должен сначала отнести ее в американскую комендатуру, доказать там, что она действительно принадлежит ему, и только тогда получить разрешение на продажу. Разумеется, при таком положении все мало-мальски ценное конфискуется под разными предлогами американцами или скупается за бесценок.

В течение нескольких месяцев я работал в межсоюзной комендатуре, в комитете по контролю над историческими памятниками. Мой американский коллега, некий капитан Бирн, являлся офицером, осуществлявшим эту узаконенную конфискацию ценностей у немцев. С капитаном Бирном мы встречались на заседаниях каждый понедельник утром, и я никогда не видал его трезвым. В искусстве для него не существовало ни школ, ни стилей, ни направлений — только цена... Он ходил в сопровождении немецких экспертов по комиссионным и антикварным магазинам и реквизировал на основании закона № 52 все, что, по его мнению, стоило больше, чем расходы по перевозке этого добра в Америку. Потом на заседаниях Бирн хвастался своими трофеями.

Однажды он не явился на заседание комитета, и нам об'явили, что капитан уехал в Соединенные Штаты. Однако позже оказалось, что господин Бирн только пытался уехать и был арестован по обвинению в том, что он присвоил гобелен стоимостью в полмиллиона марок и несколько картин старых мастеров. Началось следствие, кое-какой материал просочился в печать. Выяснилось, что в этом деле замешан не только Бирн, но и ряд весьма высоких лиц. Суда не было. Дело замяли, и господин Бирн благополучно продолжил путь на родину...

— Если бы не американцы, мы давно бы ликвидировали спекуляцию в Берлине, — заявил мне один чиновник немецкой полиции.—Главные спекулянты—это работники американской военной администрации.

Заокеанские дяди, раздающие шоколад на фотографиях, в действительности предпочитают продавать его (так же как сигареты и кофе) по весьма высоким спекулятивным ценам. В Германии нет табака. Американец, сумевший привезти в Берлин чемодан сигарет, — а таких немало, — отправляет домой самолет с фарфором и антикварными вещами.

Существует и еще один способ обогащения — с применением огнестрельного оружия. Число грабежей, совершаемых военнослужащими американской армии, продолжает возрастать. Кроме того, появились немецкие банды, с которыми немецкая полиция ничего не может поделать. Эти банды вооружены американским оружием, за их спиной американская военная полиция.

За последние месяцы вывоз награбленного из Берлина резко увеличился. Сейчас из Берлина ежедневно уходит свыше ста вагонов, направляющихся на запад. В Франкфурте-на-Майне часть населения спешно выселяется за город — лучшие здания готовятся для приема военных учреждений. Собираются ли правители «Бизонии» после того, как они провозгласят ее «самостоятельным» государством типа Маньчжоу-Го, прикрыть свой берлинский «филиал»? В западных секторах Берлина подобные предположения кое-кого пугают. Характерно, что после срыва Маршаллом Лондонской сессии Совета министров иностранных дел из американского сектора Берлина в западные зоны потянулись с семьями и имуществом темные дельцы, спекулянты и прочие сторонники демократии американского типа.

В январе берлинские демократические газеты поставили вопрос о том, что если американцы, нарушив все соглашения, пойдут на создание «бизонийского государства» со столицей в Франкфурте, то в Берлине им, американцам, больше нечего делать. Немецкие холуи американских империалистов стали упрекать своих хозяев: «Мы на вас работали, а вы нас хотите бросить...» Пришлось генералу Клею выступить с опровержением следующего содержания: «Мы не боимся, мы не нервничаем. Я не уйду отсюда до тех пор, пока это будет зависеть от меня». Подобное опровержение вызвало настоящую панику. В тот же вечер его поправили из Вашингтона. «Мы остаемся в Берлине», — заявил заместитель государственного секретаря США Ловетт.

Не обошлось и без курьезов. Известно, что награбленное добро в целях маскировки американцы отправляют в качестве «военных грузов». Попав в поток опровержений и забыв об этом, начальник американского гарнизона в Берлине полковник Виллард поспешил заверить представителей печати, что ни один эшелон, ушедший из Берлина... не был использован для военных перевозок. Вся эта возня с заверениями и опровержениями доставила много поводов для иронических шуток берлинским юмористическим журналам.

А. АРСЕНЬЕВ

Новый Китай

ПО СТРАНИЦАМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

Вот куда уходит достояние народа.
Рис. худ. Чжан Дина (журнал «Дунбэйхуабао»).

I.

Перед нами журналы, вышедшие на северо-востоке Китая, на территории, освобожденной народными армиями, — иллюстрированный еженедельник «Дунбэйхуабао», общественно-политические и литературные журналы «Чжиши» («Знание»), «Дунбэйвэньи» («Литература Северо-Востока») и другие.

Эти журналы свободного народа не похожи на изобилующие кричащими рекламами, до краев наполненные клеветой и бульварщиной гоминдановские издания — иероглифические варианты заокеанской печатной продукции.

Со страниц демократических журналов звучит живой голос народа, борющегося за свою свободу. Правдиво и бесхитростно повествуют они о суровой, тяжелой борьбе, о фронте и тыле китайской демократии.

Запродав страну американскому империализму, «четыре семейства» Китая — Суны, Чамы, Куны, Чэни—пытаются силой, с помощью самолетов и минометов, изготовленных в США, сломить волю китайского народа, навязать ему ненавистный режим Чан Кай-ши. Однако миллионы китайцев с оружием в руках отстаивают свое право на жизнь, свободу и независимость. Совершенно естественно, что в центре внимания демократической печати Маньчжурии находится народно-освободительная война. Очерки, корреспонденции, рассказы, фотоснимки рисуют отдельные этапы наступательных действий народных армий, показывают полководцев и солдат, героев труда в тылу.

На 120-тысячном митинге жителей Харбина командующий народной армией Маньчжурии генерал Линь Бяо говорил: «Китайский народ ведет великую освободительную войну против диктатуры и предательства, против агрессии американского империализма, за демократию и свободу. За последние полгода войны жало реакции уже укорочено...»

На страницах китайской демократической печати мы находим яркие подтверждения этим словам. Журнал «Дунбэйхуабао» в одном из номеров сообщает о разгроме 79 дивизий—одной трети всех сил Гоминдана — за 10 месяцев наступления народных армий. Рядом с этим сообщением — запечатленные фронтовыми фотокорреспондентами сцены боев за Сыпингай, Гирин и другие города, ликующие массы освобожденных жителей, разрушенные доты, брошенный в беспорядке штаб командующего 71-й армией гоминдановцев Чэнь Минь-женя, уличные схватки, огромные трофеи, толпы пленных гоминдановских солдат — картины битвы...

Войска Чан Кай-ши, в изобилии оснащенные американской военной техникой, терпят поражение за поражением, теряют свое вооружение, а народные армии учатся побеждать, сражаясь трофейным оружием. В народе стал популярным лозунг: «Оружием врага—уничтожим врага!» Отличной иллюстрацией к этому лозунгу являются фотоснимки, сделанные на выставке трофейного вооружения, главным образом американского, открытой в Харбине. Выстроенные длинными рядами пулеметы, орудия, минометы, противотанковые ружья «Базука»... На всех отчетливо видны марки американских фирм. Около каждого отдела таблицы: «Захвачено 4.040 пулеметов», «Захвачено 1.180 орудий»...

Печать неустанно разоблачает предательскую роль Гоминдана, реакционность клики Чан Кай-ши, продавшейся американскому империализму. Журнал «Дунбэйхуабао», например, приводит список, включающий почти 130 фамилий видных гоминдановских деятелей и генералов, сдавшихся во время войны японцам.

Демократическая печать помещает много материалов, посвященных полководцам и солдатам — героям Народно-освободительной армии. В ряде номеров журналы «Чжиши», «Дунбэйхуабао» печатают краткие биографии выдающихся борцов за свободу. Герой боев в Северном Китае, командующий армией генерал Чэн И уже более двадцати лет ведет в рядах революционных войск самоотверженную борьбу с китайской реакцией. Он — участник Наньчанского восстания 1927 года, старый соратник Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ. Оставленный коммунистической партией в 1935 году в тылу армий Чан Кай-ши, он в течение трех лет вел со своими отрядами партизанские бои в исключительно тяжелых условиях, порой питаясь лишь древесной корой. Все годы войны против японских захватчиков Чэн И находился на фронте. Сейчас Чэн И — один из популярнейших командиров народной армии, приводящий в трепет врага.

Журнал «Чжиши» поместил короткий очерк о генерале Линь Бяо, командующем Северо-восточной народно-освободительной армией. Участник студенческого антиимпериалистического движения 1925 года Линь Бяо с молодых лет становится участником Северного похода. Он, как и Чэн И, участвует в Наньчанском восстании и с тех пор отдает все свои силы освобождению Китая. В революционных войсках Линь Бяо блестяще показал свой военный талант и прошел путь от помощника командира взвода до командующего армией. Во время войны с японцами он прославился тем, что разбил отборную дивизию японского генерала Итагаки. Тяжелое ранение на время вывело его из строя. После излечения Линь Бяо ряд лет руководил военной академией в Яньани, а с 1945 года — успешно возглавляет народные армии в Маньчжурии.

С большой любовью и гордостью печать рассказывает о руководителях свободного демократического Китая — о генеральном секретаре двухмиллионной китайской компартии Мао Цзэ-дуне, о главнокомандующем Народно-освободительной армии Чжу Дэ, о генерале Лю Бо-чэне и ряде других высших командиров и государственных деятелей.

Наряду с полководцами, вероятно, впервые в истории Китая, на страницы печати выходит рядовой солдат — герой народно-освободительной войны. Боец Ду Кэ-цзянь, отбивший пять атак противника на его дот; Сюй Вэй-тан, за три месяца службы подорвавший два вражеских дзота и проволочные заграждения; Ван Ши-юань, Фань Цзы-хэ, отличившиеся в боях за Сыпингай, и десятки других, чьими подвигами цементируется победа.

Демократические войска неразрывно связаны с трудящимися, и поэтому их силы неистощимы. Журналы описывают горячие проводы добровольцев в армию. В народную армию вступают лучшие сыны Китая. Поэтому так успешны действия народных армий на всех фронтах от Мукдена до острова Хайнань, поэтому обречены на провал все попытки Гоминдана с помощью доллара и «тотальных» мобилизаций сокрушить демократические силы.

II.

Не меньшее внимание демократическая печать уделяет тылу — освобожденным районам Китая.

На территориях, освобожденных народными войсками, сразу же устанавливается демократическая власть. Сельские, районные, уездные и провинциальные органы избираются всем народом и без проволочки приступают к осуществлению коренных демократических преобразований, о которых китайский труженик мечтал веками. Проводится земельная реформа, конфискуются земли и имущество предателей, уничтожаются тяжелые поборы и налоги, начинается новое строительство. Все это осуществляется в тяжелых военных условиях, когда нужно думать об обеспечении войск боеприпасами и продовольствием, об эвакуации раненых, о противовоздушной обороне городов, о бесперебойной работе транспорта, связи, фабрик и госпиталей.

К чести рабочих и крестьян освобожденных районов Китая надо сказать, что они успешно справляются с этими проблемами. Справляются потому, что народным хозяйством руководят не продажные чиновники и генералы Чан Кай-ши, не помещики, а труженики полей и заводов, возглавляемые коммунистами.

В журнале «Дунбэйхуабао» помещена серия фотографий — «Сейчас мы пашем свою собственную землю»,—которая показывает распределение земли среди бедняков, превратившееся в подлинный праздник, коллективную работу женского союза деревни Далюцзя на прополке, очистку и вспашку полей.

Рождаются новые формы труда, новое отношение к труду. В освобожденных районах прогремело имя крестьянина У Мань-ю, который добился высокого урожая и сдал народной армии добавочное количество продовольствия.

У Мань-ю приехал к Мао Цзэ-дуну, чтобы лично рассказать ему о своих успехах. Долго сидели они и дружески беседовали — о патриотическом долге крестьян, об урожае, о мерах помощи крестьянам. Мао Цзэ-дун сказал ему:

«... Мы в наших районах за несколько лет должны добиться того, чтобы в каждой семье был запас зерна, были корова, сто деревьев, колодец, чтобы каждый человек знал тысячу иероглифов, чтобы в каждой деревне были кооператив, кузница, трудовая школа, врачебный участок, культурная бригада... Все должны иметь достаточно пищи, одежды и вести здоровую и радостную жизнь...»

Из лейки «тотальной мобилизации» Чан Кай-ши поливает «древо военного поражения».
Рис. худ. Лю Чжи-чжуна (журнал «Дунбэйхуабао»).

Появились многочисленные последователи У Мань-ю на северо-востоке, первые ударники полей Маньчжурии. В прошлом году 400 делегатов приняли участие в первом с'езде крестьян уезда Яньчоу. Они обсудили результаты работы по увеличению продуктивности сельского хозяйства, обменялись опытом. Лучшими признаны бригады Дин Гуан-дэ и Ян Дянь-мина. Раз'езжаясь, делегаты говорили:

«Когда это бывало, чтобы для нас, простых бедных крестьян, начальник уезда устроил с'езд, приветствовал и принимал нас. Действительно, настала новая жизнь!..»

Народные власти Маньчжурии стремятся помочь деревне лошадьми, машинами, семенами. Установлена награда за примерный труд — звание «Образцовый крестьянин». Это звание уже присвоено сотням крестьян.

Так освободительная война пробудила силы китайской деревни, и эти силы успешно преодолевают трудности, порождаемые войной.

Усилиями китайских рабочих в тех городах Маньчжурии, где власть уже перешла в руки демократии, налажено производство всего необходимого для фронта. Сделать это было нелегко: нехватает квалифицированных рабочих, инженеров и техников, недостает станков и сырья... Но энтузиазм рабочих помогает преодолевать трудности.

На страницах журнала «Дунбэйхуабао» мы встречаем примеры самоотверженного труда. Когда на харбинской электростанции вышел из строя один из паровых котлов, кочегар Чжан Кэ-син, желая сберечь время, влез в горячий котел и ликвидировал аварию. Чжан награжден медалью, ему присвоено звание Героя труда первой степени.

В Харбинском депо производительность труда выросла за последний год в четыре-пять раз. Десяткам рабочих присвоены звания «Образцовый рабочий» и «Герой труда». Шестидесятилетний плотник цеха товарных вагонов Хоу Чжэнь-дань работает без устали, обучает многих молодых рабочих, передавая им свой опыт. За это в депо его любовно называют «Герой труда — почтенный Хоу». Выпущенному в результате ударного труда паровозу рабочие присвоили имя Чжу Дэ.

* * *

На фронтах освободительной войны, на полях и на заводах китайский народ завоевывает свою свободу и независимость. Страницы демократических журналов Китая доносят до нас отдельные эпизоды этой борьбы, отдельные штрихи нового быта и новых отношений, складывающихся в освобожденных районах, доносят до нас суровое дыхание войны. За разрывами снарядов уже виднеется то светлое завтра, ради которого сегодня отдают свои жизни лучшие сыны Китая.

Р. ВЯТКИН.

Факты без комментариев

«ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ АНТИФАШИЗМ»

В порядке выполнения приказа Трумэна о «проверке лояльности» был проведен опрос двух миллионов американских служащих. Как сообщает «Аксьон», к числу причин, достаточных для увольнения со службы, отнесены: антифранкизм, неодобрительное отношение к политике Мюнхена и открытая враждебность к гитлеровской Германии, проявленная до вступления Соединенных Штатов в войну. Все такого рода взгляды и настроения официально квалифицированы, как «преждевременный антифашизм».

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ГРОБ

В Америке происходит ежегодно около 5 тысяч «деловых с'ездов», на которых «обмениваются опытом» бизнесмены всех сортов, начиная от торговцев гороскопами («Американская федерация астрологов») и кончая владельцами похоронных фирм. Один фабрикант гробов, как сообщает «Америкен мэгэзин», продемонстрировал недавно на таком «с'езде» своим собратьям усовершенствованный гроб, в котором, после нажатия кнопки, из-под атласной обивки выскакивают бутылка виски и пара стаканов (видимо, для поминок на скорую руку!).

«ПЛАН МОРЛИ»

Некий Харвей Морли, владелец газеты, выходящей в Анголе (штат Индиана), начал кампанию по сбору... галстуков для срочной отправки в Европу.

По сообщению французского еженедельника «Аксьон», Морли заявил: «Галстуки являются той мелочью, которая делает жизнь более яркой. Европа должна располагать галстуками в достаточном количестве, чтобы согреть сердце каждого европейца, мечтающего о новом галстуке».

Правительство США финансирует фашистов

Газета «Унита» опубликовала сообщение из Вашингтона, в котором говорится, что Маршалл «одобрил доклад Бюро информации и обмена в области просвещения США по вопросу об использовании фашистских организаций за границей в интересах Соединенных Штатов».

«В докладе, — пишет газета, — предлагалось ассигновать секретные фонды в сумме 10 миллионов долларов для регулярного финансирования фашистских групп и газет за границей в течение 1948 года. Кроме того, доклад предлагал предоставить, в распоряжение наиболее крупных фашистских групп часть денежных сумм, переведенных нацистами за границу по указанию Бормана накануне капитуляции Германии».

По дополнительным сведениям, просочившимся из государственного департамента, продолжает «Унита», секретный доклад Бюро информации и обмена в области просвещения содержал «неблагоприятную оценку проводившейся до настоящего времени деятельности по координации работы фашистских групп и печати за границей» и критиковал государственный департамент за использование фашистских организаций «только в целях получения секретной информации». В докладе рекомендуется наладить «координацию деятельности различных фашистских групп, главным образом, в целях укрепления влияния США в странах Западной Европы».

Бюро информации и обмена в области просвещения сформулировало в этой связи ряд предложений, которые были одобрены Маршаллом. Важнейшим из этих предложений является увеличение ассигнований для поощрения деятельности фашистских групп и назначение ответственного лица, которому было бы поручено централизованное распределение этих фондов в европейских странах. В качестве кандидата на пост такого уполномоченного в докладе упоминалось имя Освальда Мосли, который «по распоряжению государственного департамента регулярно субсидируется со времени прихода лейбористов к власти нашими представителями». Кандидатура Мосли выдвинута на том основании, что он «уже имеет организационные связи с фашистскими группами других стран». В докладе говорится об «особенно тесных связях Мосли с известным южно-африканским фашистом Пироу, орган которого «Нью-Ордер» субсидируется государственным департаментом через посредство Мосли, а также со Свеном Линдхольмом, получающим с 1944 года жалованье от американской контрразведки за работу в скандинавских странах».

В отношении Италии в докладе отмечается, что субсидирование итальянских фашистских организаций производится с 1945 года по инициативе бывшего государственного секретаря Бирнса. Однако эта деятельность недостаточно координировалась вплоть до 1947 года, главным образом, потому, что между военными властями, представителями государственного департамента и церковными властями не были четко разграничены функции. Но «в настоящее время, — как говорится далее в докладе, — работа по координации идет удовлетворительно».

Б. БРАЙНИНА

Одухотворенные люди

Книга рассказов Н. Емельяновой радует душевностью, ясностью тона и горячим, взволнованным ощущением нового. Эта книга, как нам представляется, идет по верному пути, ставит большие вопросы жизни, ставит глубоко и страстно.

Н. Емельянова говорит о моральном облике советского человека, о новом высоком понимании счастья. Она стремится показать поэзию нашей жизни не в исключительных, романтически приподнятых событиях, а в обычных, ежедневных рядовых делах.

Н. Емельянова — страстный путешественник, этнограф-любитель; для ее художественной манеры характерно уменье слить в одну цельную, законченную картину психологический рисунок образа с описаниями этнографических особенностей края. В этом умении, возможно, секрет естественности, завершенности композиции большинства ее рассказов. Но здесь таится и некоторая опасность: любовь к этнографии иногда ослабляет непосредственный и горячий интерес писательницы к душевной жизни людей.

Вот почему не все в сборнике равноценно. Так, надуман и бледен рассказ «Маркел — «Сухие гвозди», где на фоне хороших описаний природы повествуется о каком-то надуманном бывшем приказчике, ставшем во время войны героем. Неясны, расплывчаты некоторые образы рассказа «Разные люди». Хорошо показано здесь ощущение радости, «стремительное чувство продвижения вперед по родной земле, освобожденной от врага». Это очень тонко передано в осеннем пейзаже, который по-весеннему ясен и свеж. «Справа черная забороненная пашня клином врезалась в ясную эту зелень, и свежее сочетание трех цветов — солнечно-желтого, зеленого и черного — радовало глаз и поднимало в душе что-то ликующее и тоже свежее».

Но люди здесь какие-то тусклые, осенние. Старый крестьянин рассказывает о своей жизни при немцах стертым, безличным языком.

Образ партизана, о котором мы узнаем со слов этого старого крестьянина, наивен и бледен.

В «Разных людях» нет композиционной цельности, и рассказ рассыпается на отдельные эпизоды. Эта неудача, на наш взгляд, происходит оттого, что природные и бытовые особенности края заслонили здесь главное—человека: этнограф помешал художнику.

Но в подавляющем большинстве рассказов Н. Емельяновой удалось решить трудную для искусства задачу: за отдельными, на первый взгляд, незначительными фактами, за маленькими, будничными днями обыкновенных людей она показала поэзию нашей жизни, большой день советского человека.

Рассказ «Весьегонские любители» переносит читателя в военно-охотничье хозяйство на краю города Весьегонска, куда приезжают командиры Красной Армии охотиться, ловить рыбу и просто отдыхать. Здесь и сосновый бор, и легкий, веселый ивняк, и сквозной молодой черемушник, и береза на лугу, и широкая, синяя река Молога с косыми белыми гребнями волн.

Этой весной на реке подняли уровень воды на четыре метра. Но «никого уже не удивляет, — пишет автор, — что человек меняет для своей пользы уровень воды в реках, переносит города с места на место. Все соединилось в одно огромное и стройное движение большого народа, создающего свою особую историю на земле».

Идет обыкновенный, будничный день, с трудом, заботами, радостями удач, огорчениями, что не все сделано так, как хотелось бы. А хочется большего и лучшего — так строг к себе и неспокоен советский человек. Автор изображает упорный и мирный труд людей под теплым, ясным, солнечным небом.

Но вот раздаются по радио слова товарища Молотова о вероломном нападении фашистской Германии. «Со вчерашнего дня некогда стало разговаривать, но напряженное течение мысли чувствовалось за общей работой расстающихся людей, как будто они лучше стали понимать друг друга». Грозные, строгие и требовательные наступили дни... С чуткостью и тонкостью, присущими всей манере ее письма, Н. Емельянова меняет пейзаж — фон событий. «И в природе сегодня нет вчерашней спокойной прелести утра: тополя трепещут всей листвой, шумливо встряхивая на ветру зелеными ветвями и показывая беловатую изнанку каждого листа».

Советские люди выходят в длинный и трудный путь, проверяя в душе запасы энергии, стойкости и мужества.

Действие рассказа «Метель» развертывается в грозную зиму 1942 года на фоне февральской метели, когда снежный буран заносит перегоны и целые станции, а в городе ветер косо и яростно лепит снег на заборы и дома. Занесены дороги, снабжающие фронт, люди самоотверженно борются со снегом. Автор снова показывает маленький участок, простые и обычные труды и дни. И опять сквозь это простое и обычное отчетливо проступает моральный облик советского человека.

Как тепло и поэтично изображен машинист Панкратов. В жестокую метель провел он товарный поезд с грузом — 82 вагона. «В неверном свете двух висящих над путями фонарей проходит длинный состав с воинским грузом. Тормозные площадки, обращенные к паровозу, забиты снегом так, будто вагоны пробивались грудью сквозь метель и вьюгу». На паровозе невысокий, худощавый, не совсем здоровый человек — «гвардейский машинист», командир, как его называют. Но Панкратов не чувствует себя героем: ведь так, как он, обязан поступить каждый. «Кто-то должен же пробиться последним? Мне и удалось: груз у меня такой... Умри, да доставь». Машинист Панкратов по-своему прав: и сила и счастье его в том, что с ним рядом и в ногу идут такие же, как он, советские люди: и бригадир Архипова, и машинист Дуся, и молодой сталевар. И личное счастье каждого — в этом одухотворенном труде, когда человек попадает в общий ритм, находит свое место в большом дне советской жизни.

В рассказе «Четыре весны» показан рост самосознания рядового советского человека. Вот жила милая, красивая женщина, вся жизнь которой ушла в семью, в детей. «Самое лучшее выражение лица и глаз Полины бывало тогда, когда она возилась со своими детьми». Лицо ее говорило: «Это — мое! Мое самое главное!» Но уже в первые дни войны что-то новое появляется в душе Полины.

Жизнь продолжала двигаться необычайно ускоренным, сложным путем. Сейчас каждому надо было найти себе немедленное, точное и верное применение. Полина с беспощадной ясностью начинает понимать, что самого главного в ее жизни все-таки до сих пор не было.

Она поняла, что не сможет быть хорошей женой и хорошей матерью, если не найдет главного — прочного места в общем трудовом процессе, в ритме стремительного движения страны вперед.

«— Я без работы не могу. Я и в эвакуации только потому могла жить, что работала днем и ночью... Тяжела война, ужасна, страшна, но она что-то отсеивает в нас, мы учимся понимать себя, определять свое место в обществе. Опора! Вот она—опора! — И она протянула мне обе руки, повернутые ладонями вверх».

Испытание характера, которому подверглась Полина в дни Отечественной войны, помогло ей постичь глубину и поэзию нового отношения к жизни, помогло стать патриоткой в большом смысле этого слова.

С героями рассказов Н. Емельяновой мы столкнулись ненадолго, и какие-то черты их характера, возможно, остались в тени. Но моральный облик этих людей виден отчетливо, и хорошее, дружеское единение между ними и читателем установилось прочно, надолго.

Н. Емельянова. «Четыре весны». «Советский писатель». 1947 год. 282 стр.

Александр ЖАРОВ

Песня открытого сердца

В свободных высотах,
В моем поднебесье
Рождаются самые смелые песни.

С отвесных утесов взвивается снова
Летучее эхо простора родного,
Простора, которому равного нет.

И песня, волнуясь, спешит за Тибет,
К вершинам Цинь-Линя, хребтам
Дабешаня,
Где вольные воины, поступь чеканя,
Все ближе подходят к предгорьям
побед.

Зарницы орудий на утренней рани
Китайской земле предвещают рассвет...

В свободных высотах,
В моем поднебесье
Не знают запрета правдивые песни.

В далекий орлиный полет улетая,
Они достигают пределов Китая,
В которых поныне живет Сун Ят-сен.

Протяжные стоны воздушных сирен,
Огонь над горами, — ничто не преграда!
Спускается песня туда, куда надо.
Ее не возьмут гоминдановцы в плен!

В свободных высотах,
В моем поднебесье
Счастливой надеждой наполнены песни.

В поэзию мира с крикливым демаршем
Не смогут вломиться ни Трумэн, ни
Маршалл,
Которыми куплен китайский жандарм.

Им снится Китай, как торговый
плацдарм,
Колония доллара, база разбоя..,
А я различаю в Китае другое:
Народной мечты воплощенье живое!

Об этом не раз у пещер и казарм
Чжу Дэ говорил, боевой командарм...

В свободных высотах поэту, как птице,
Отрадно с победною музыкой слиться,
В сражениях силу прибавить мечу.

И в страны восхода и в страны заката,
В просторы, где небо грозою об'ято,
Я с песней открытого сердца лечу
К бойцам за свободу — куда захочу!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ГРАМОТЕИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕХНИКА — МОЛОДЕЖИ»

Вышел № 11 журнала «Техника—молодежи», посвященный 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Номер этот отличается изрядным количеством незаурядных ошибок и опечаток, свидетельствующих как о малом тщании корректоров, так и о незнании ими довольно элементарных фактов.

Известный путешественник Гмелин на стр. 4 переименован в Гмелчи, знаменитый электрик Борис Семенович Якоби на стр. 5 стал М. С. Якоби, математик и астроном Дмитрий Матвеевич Перевощиков на той же стр. 5 оказался Д. Н. Перевощиковым, физик Николай Алексеевич Умов на стр. 6 снабжен инициалами М. А.., год рождения электрика Н. Г. Славянова в подписи под портретом на стр. 30 указан неверно (1845 вместо 1854), электрик Владимир Чиколев в подписи под портретом на стр. 29 переименован в Валентина. Все это не свидетельствует о любви и уважении журнала к русской науке.

На стр. 32 говорится о «крупнейшей русской газете того времени» — «Русском вестнике». Одно из двух: либо это издававшийся Катковым известный реакционный журнал (а не газета), носивший это название, либо, если это газета, то скорее всего тут подразумеваются «Русские ведомости». Научно-техническому журналу не следует допускать ляпсусы и в тех вопросах, которые выходят за пределы его непосредственной специальности.

А. НАРКЕВИЧ.

Ложный портрет Навои

Л. КЛИМОВИЧ

Через несколько месяцев советская общественность будет отмечать 500-летие со дня рождения основоположника узбекской литературы и узбекского литературного языка Алишера Навои.

Хорошо известно, что буржуазные ученые приложили немало усилий для того, чтобы исказить облик поэта, затемнить и принизить его историческое значение. В угоду империалистической теории о якобы расовой неполноценности тюркских народов и зависимости их культуры от арийской или индоевропейской, они об'явили, что великий Навои, будто бы «подражатель», будто бы... «переводчик» произведений персидской литературы. С точки зрения этих лживых «знатоков», отражающей пан-иранистские устремления придворных кругов Ирана, предшественник Навои, гениальный Низами (1141—1203) принадлежит не азербайджанской, а персидской литературе.

Жалкая несостоятельность этих взглядов выяснена в работах советских востоковедов. Восстановлена историческая истина, Низами возвращен родному азербайджанскому народу, а Навои—узбекскому.

Достижения советской науки, однако, не положены в основу очерка М. Салье «Алишер Навои», опубликованного в серии «Очерков по истории узбекской литературы» в журнале «Звезда Востока» (№№ 8, 9 и 10 за 1947 г.). М. Салье утверждает, что якобы Навои «решил попробовать свои силы в создании на родном языке цикла эпических поэм, представленного **в персидской литературе** (подчеркнуто мною. — Л. К.) рядом «Пятериц» («Хамса»); наиболее выдающейся из них бесспорно была «Пятипоэмия» великого азербайджанца Низами и его последователя эмира Хосрова Дехлеви» (№ 9, стр. 78).

Правда состоит в том, что не только «Хамсу» Низами, но и «Пятерицу» Хосрова Дехлеви (1253—1325) лишь условно **по языку** и некоторым поэтическим традициям можно связать с персидской литературой. Эмир Хосров жил в Дели (Индия) и своим творчеством был связан с Ираном не более, чем с другими странами распространения литературного персидского языка — в том числе и с Таджикистаном, Узбекистаном, Азербайджаном. Если же обратиться к третьему автору наиболее известных «Пятериц» на персидском языке — Джами (1414—1492), то о нем сам же М. Салье писал, как о художнике слова, который «имеет все основания считаться среднеазиатским, а не иранским поэтом» («Звезда Востока» №№ 1—2, 1946 г., стр. 147).

Выступая со своей «Пятерицей», Навои соревновался прежде всего с произведениями не персидской, а азербайджанской, индо-мусульманской (персидской по языку) литературы.

Односторонен, а поэтому и глубоко неправ М. Салье и в своих противопоставлениях Навои и Низами. Говоря о поэме «Сокровищница тайн» Низами и поэме Навои «Изумление праведных», М. Салье указывает, что обе они относятся к своего рода «зерцалам царей», в которых «обычно мало сюжета и много сухих, отвлеченных правоучений». «Не является исключением, — как добавляет М. Салье, — и «Сокровищница тайн» Низами: основной элемент ее — дидактика, поучение. Иллюстрируя то или иное морально-этическое положение коротким рассказом, **Низами неизменно остается спокойным** (подчеркнуто мною. — Л. К.), мудрым учителем. Об'ектом воздействия он избирает не сердце читателя, а разум, стремится убедить его, а не покорить эмоциональной силой слова».

А вот Навои, по Салье, тоже «поучает и наставляет, **не совершение другими средствами**. Нервный, порывистый, **он не может, клеймя зло и порок, оставаться холодным и бесстрастным**» (подчеркнуто мною.—Л. К.).

«Изумление праведных» Навои—своеобразное и оригинальное произведение узбекского поэта. Однако глубоко ошибется тот, кто поверит М. Салье, будто бы Низами недостает ярко выраженной эмоциональности. Содержание «Сокровищницы тайн» Низами полностью опровергает все, что так безапелляционно сказано Салье. Конечно, Низами всегда остается «мудрым учителем», но это совсем не значит, что он также «неизменно остается спокойным», и даже «клеймя зло и порок», может «оставаться холодным и бесстрастным»!

Как можно поверить в спокойствие, холод, бесстрастие того, кто устами простой старухи-прядильщицы развенчал насилие и беззаконие султана Санджара, кто в «Сокровищнице тайн» восклицает:

И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре—как дым,
Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь,
как вода!

Не прав М. Салье также в утверждении, что будто бы «пейзажи Низами, за редкими исключениями, стандартны; у Навои мы, наоборот, находим ряд необычных, фантастических картин, поражающих богатством и прихотливостью воображения. И здесь Навои более дерзок и суб'ективен, чем его великий предшественник» (стр. 82).

Нетрудно обратиться к пейзажам Низами и увидеть, как оригинальна, свежа у Низами природа родного Азербайджана.

Грубы ошибки М. Салье и в характеристике поэм Навои. Например, М. Салье пишет, что «страсти Меджнуна и Лейли Навои придал уже совершенно отвлеченный, мистический характер», а «рисуя облик Меджнуна, Навои наделяет его типичными свойствами мистика-дервиша...» (83—84).

Конечно, в «Лейли и Меджнун» Навои есть еще элементы мистики, суфийского толкования любви, как стремления к божеству, к истине, к растворению в ней. Но поэма Навои имеет и реалистический план, что замалчивать нельзя, ибо сама жизненность поэмы, ее социальное значение определяются не суфийством, не мусульманской мистикой, а естественностью, правдивостью, тем, что «Лейли и Меджнун» Навои зовет на бунт против жестоких законов, против общественных условий восточного средневековья, когда влюбленные не могли найти счастья на земле!

И уже совершенно фантастичны выводы, которые делает М. Салье из оценки поэм Навои «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун». «В «Лейли и Меджнун»,— пишет Салье, — с наибольшей силой отразились мистические устремления самого Навои, рожденные приступами упадка духа и разочарования в жизни, иногда посещавшими Навои, вообще склонного к ипохондрии. Соблазнительной представляется гипотеза, что, рисуя облик Меджнуна, Алишер... отчасти изобразил самого себя. Энергичный, решительный Фархад, полный предприимчивости и жажды труда и знания, и слабый, бегущий от людей Меджнун, ищущий утешения в мистическом экстазе, как кажется нам, — две грани полной противоречий личности автора поэмы».

Поэма «Лейли и Меджнун» не была рождена «упадком духа и разочарования в жизни», никак их не выражала. Какое же это «разочарование в жизни», если Навои осуждает Меджнуна за его бегство в пустыню, уход от людей! Осуждая Меджнуна, Навои напоминает, что человек не смеет терять достоинства:

Зверей ласкаешь ты, людей боясь,
Ужель тебе с людьми противна связь?
Одной породы люди все, поверь,
Породы разной—человек и зверь..
Творения светило—человек,

«Лейли и Меджнун» Навои в основе своей — произведение, полное сил и веры в жизнь. Хотя герои активно не борются за свое счастье, Навои не против действенности, он призывает к ней, к восстанию против того, что угнетает и принижает людей. В предсмертной песне, обращаясь к матери, Лейли поет:

Пусть эту розу победил недуг,—
Не плачь, когда уйдет на луг.
И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

И уже совершенно ошибочно об'яснять качества произведений Навои будто бы его «склонностью к ипохондрии». Конечно, личность Навои сложна, автобиографические элементы есть в «Лейли и Меджнун», однако исследование этих личных черт поэта не может быть сделано так, как пытается это произвести очень уж настойчивый М. Салье. Метод Салье не нов и глубоко ошибочен. Итти за ним — это значит воскрешать печальной памяти «Клинический архив гениальности и одаренности», где, как типы душевнобольных, рассматривались не только легендарные Иисус и Мухаммед, но также реальные люди—Лев Толстой, другие писатели и т. п.

До нас дошли почти все произведения Навои. Многое из написанного Навои сохранилось в современных ему рукописях. Остались и многие свидетельства о Навои его современников — Хондемира, Восифи и др. Есть все условия к воссозданию правдивой картины жизни и творчества великого поэта. Первые удачные опыты в этом направлении сделаны, в том числе и в художественной литературе (роман Айбека «Навои»).

По сравнению с уже существующими работами советских исследователей о Навои очерк М. Салье является шагом назад к странному, упадочному психокопательству. Опубликование этого очерка — безусловная ошибка редакции «Звезда Востока».

Важнейшее, что характеризует Алишера Навои, указано в историческом «Письме строителей Большого Ферганского канала Иосифу Виссарионовичу Сталину»:

Поэтом был великий Навои,
И проводил арыки Навои.

«Фархада и Ширин» кто знает, тот
В Фархаде Алишера узнает.

Хоть он пером, а не киркой владел,
Но так народу воду дать хотел,

Что и пером прорыл бы он канал,
Чтоб край родной нужды в воде
не знал...

В этом — правда живых черт подлинного Навои. Живые черты поэта, философа, ученого узбекского народа должны быть воссозданы со всей правдивостью, безыскусственностью, без искажений.

КЛАССИКИ ГЕОГРАФИИ

Многие книги знаменитых русских путешественников XIX века стали библиографическими редкостями, недоступными широким массам читателей. Учитывая огромное познавательное значение этих книг, Государственное издательство географической литературы приступило к их переизданию.

Сданы в печать произведения полярного исследователя Ф. П. Литке: «Четырехкратное плаванье в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821—24 г.г.» и «Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин».

Готовятся к печати книги великого русского путешественника Н. М. Пржевальского о его первом путешествии в Тибет, совершенном в 1879—1880 гг., и книга Г. Е. Грумм-Гржимайло «Путешествие в Западный Китай».

Ник. ЛЕОНТЬЕВ

ПЕВЦЫ

При слове—«певцы» мы часто вспоминаем нарисованную Тургеневым картину состязания деревенских певцов в кабаке захолустного сельца Колотовка Тульской губернии. Перед нашими глазами встает чудесный образ победителя состязания Яшки-Турка с его чародейным голосом, — «по душе—художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца».

Перечитывая рассказ Тургенева «Певцы», мы снова и снова слышим, как «понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песнь. «Не одна во поле дороженька пролегала» пел он, и всем нам сладко становилось и жутко... Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжко шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль...»

Прямых преемников и продолжателей Яшки-Турка мы встретили в Москве, на проходящем сейчас Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности. Огромная сцена Центрального дома работников искусств заполнена разноликой, с виду нестройной толпой. Здесь и юноши, и седые старики, стройные девушки и колхозницы с «медалями материнства» на груди.

Плавский районный хор Тульской области...

Песня влетает в зал певучей жалобой на долю выросшего в старой деревне Вани-сиротинки. Сирый и одинокий, он выходил за деревню и пел там о своей дружбе с кустом калины. Чистым, как слеза ребенка, голосом поет молодая женщина о ваниной горькой судьбе и о том, как вслед за его смерью завял его единственный друг—калиновый куст. И весь хор стоголосым эхо скорбно и торжественно подтверждает эту страшную правду о былом одиночестве человека.

Хор поет: «Ты взойди-ко, взойди, солнце красное...»

Какие глубины народной психологии может раскрыть песня! Множество фольклорных текстов дает нам представление о народных чаяниях, ведущих свою историю из глубины веков. Песня, живая русская песня заставляет почувствовать всю подспудную силу народных желаний в прошлом.

Концерт «Тула в песнях» затягивается, но, кажется, никто этого не замечает.

Всех слушателей заворожил коренастый плечистый старик, с живыми нестариковскими глазами, обладатель сочного баса. Он поет «Песню старого бурша» Ипполитова-Иванова, арию Руслана «О, поле, поле!», русскую песню «Вдоль по Питерской...»

Под аккомпанемент четырех тульских баянов стоголосый хор поет и старинные песни, прославленные Тургеневым, и новые, сложенные тульскими певцами во славу родного города, охранявшего подступы к Москве. Любовно поют туляки о «тульской винтовочке,точной и прочной, верной подруге советского стрелка»...

«Слава тебе, оружейников город!»—гремит «Песня о Туле». Сменяют одна другую «песни русские, лихие, молодецкие».

После тульских певцов на сцене появлялись, сменяя друг друга, воронежцы и чуваши, молотовцы и удмурты, куряне и архангелогородцы, гости со всей Российской Федерации, певцы колхозных радостей.

Тульских певцов я встретил еще раз во Дворце культуры имени Серафимовича.

Невысокий плотный человек отрекомендовался руководителем этого замечательного хора.

— Александр Андреевич Мережко, учитель химии Плавской средней школы...

И тут же познакомил чуть ли не с половиной своего коллектива. Чудесное сопрано — Елисеева — официантка колхозной чайной. Бас хора — Константин Филиппович Писанов — конюх колхоза имени Сафонова.

— Героя Советского Союза Сафонова?

— Дважды героя, — поправил Константин Филиппович. — Он ведь наш односельчанин. Если бы не советская власть, был бы вроде Вани-сиротинки, про которого мы поем. А усыновил и воспитал его основатель нашего хора Сергей Васильевич Ступин.

Самым старшим в хоре оказался дядя солиста—баса Писанова, семидесятилетний патриарх тульских певцов Тихон Селиверстович Родин, член правления колхоза «Путь Ленина». Мы застали в гостях у него дочь Евгению, аспирантку одного из московских институтов. Приехал в Москву с хором и племянник Константина Филипповича Петр Павлович Писанов, — ровесник Октября.

— У меня в семье, кого ни возьми, любой певец, — говорит Константин Филиппович. — Внучек Коля шести лет, а и тот споет любую песню.

Константин Филиппович вспоминает первые годы работы хора.

— Прежде все наше пение — в кабаке, да на церковном клиросе. А вот после революции — как молодым ветром жизнь проветрило. Недаром и хор наш с восемнадцатого года живет. Сразу нас и в соседние деревни, и в чужие районы, и в Тулу, как гостей дорогих, стали звать.

В двадцать первом году после посевной, посоветовал нам председатель уездного исполкома Никитин на Украину ехать. — Поезжайте, говорит, встречайте Красную Армию, защитников наших. Выступайте во всех городах и на всех больших станциях.

Собралось нас в хоре человек с полста. Отхлопотал Никитин нам два товарных вагона, дал пианино, пианиста, погрузил и отправил. На вагонах надпись «Агитвагоны», на переднем — красный флаг поднят. Приезжаем в Курск, нас с музыкой встречают. С той поры, на каждой станции—почет нам и уважение. За Лозовой еще остатки махновцев бесчинствовали, так нас броневик сопровождал... К уборочной домой вернулись.

Руководитель хора Александр Мережко рассказал нам о росте популярности хора, звонкоголосого спутника народных празднеств и ликований. Как сейчас в Москве, тульская песня 2—3 года назад была желанной гостьей в строю воинских частей, отправлявшихся на фронт, в палатах военных госпиталей. Любовное отношение к народной песне, высокая культура хорового пения, всеобщая музыкальная грамотность певцов, а главное, их неразрывная связь с народом, — таковы отличительные черты тульских певцов.

После войны в хор вошла вернувшаяся с фронта молодежь. Пришла семья певцов Пантюхиных: Анатолий—бас, заменил своего отца, былого участника хора, Алексей — тенор, их сестра Шура, жена Алексея Анна. И Шура, и ее братья прошли всю войну. Анатолий был трижды ранен, и грудь его покрыта почетными рядами орденов и медалей.

Вернулся с фронта двадцатилетний Юра Семочкин — лучший баритон хора.

Семнадцатилетним ушел воевать с белофиннами участник хора комсомолец Костя Матвеев, едва успев окончить в Плавске педагогические курсы. Он воевал и с немцами — на Балтийском море. В одном из боев Косте оторвало руку. Едва успев залечить раны, однорукий, он снова рвется на фронт. На все заявления Матвеев получал от командования отказ за отказом. Наконец, страстное обращение юноши-патриота, привлекло внимание генерала. В 1943 году Матвеева сбрасывают в тыл к немцам на диверсионную работу. Удивительные приключения и подвиги, четыре поимки и четыре бегства, зверские пытки в Гомеле, когда фашисты били юношу рукоятками револьверов по обрубку оторванной руки... Увоз в глубь немецкого тыла с надетым на шею каторжным хомутом из сыромятной бычьей кожи,снова бегство и, наконец, возвращение на родину, описанное им взволнованными стихами:

Россия-мать! Я плакал и смеялся,
Я в руку землю брал и целовал ее,
Садам, лесам и нивам улыбался,
Вернувшись в милое отечество свое...

Бывшие воины Советской Армии, ныне — колхозники и учителя, слесари и токари, счетоводы и трактористы, врач детской консультации и журналист, сотрудник местной газеты. В простом перечне профессий видно не только лицо хора: в нем живой облик современной деревни, пославшей в столицу полномочных представителей колхозного самодеятельного искусства. Вчера народ-воитель, сегодня народ-созидатель, он всегда был, есть и на века останется народом-художником, наш вдохновленный революцией народ!..

— Вы из каких сел приехали? — спрашивают певцов люди.

— Да все больше синявинские. Знаете, Тургенев про Колотовку писал. Так эта самая Колотовка в наше Синявино входит.

КОРОТКО О КНИГАХ

1 **А. ГОЛУБЕВА. «У СТЕН КРЕМЛЯ». Лениздат, 1947 год. 94 стр.**

Рассказать маленькому читателю о первых днях Октября, о жестоких боях краснопресненских рабочих и красногвардейцев с юнкерами и офицерами, о взятии Кремля большевиками, словом, рассказать о событиях, которых наши дети помнить не могут, но о которых жаждут прочесть,— задача для писателя благородная.

Писательница А. Голубева ведет рассказ о девочке Клаше—племяннице кухарки Дуни, которая живет в богатом доме у полковника Зуева.

Когда-то эта самая кухарка, тетя Дуня, в деревне спасла дочку барыни. Барыня взяла ее в Москву в прислуги вместе с Клашей и даже, якобы из милости, отдала Клашу учиться в прогимназию.

Но милость ли это? Девочка день-деньской трудится, помогает тетке на кухне, бегает по поручениям барыни.

Единственная отрада девочки — дядя Сеня, рабочий на Прохоровке, к которому иногда она ходит в гости. Там Клаша знакомится с Мирониным — старым большевиком, тоже рабочим Прохоровской мануфактуры.

Наступают Октябрьские бои.

Клаша убегает из дому и попадает к дяде Сене в отряд Миронина, который дерется с юнкерами на Никитской улице.

Клаша перевязывает раненых красногвардейцев, ходит в разведку и затем вместе с отрядом вступает в Кремль.

Сюжет, может быть, простой, непритязательный. Но не сюжетом ценна эта небольшая повесть. В ней есть иные дорогие качества. Она привлекает нас своими живыми и верными картинами Москвы того времени, яркими эпизодами борьбы краснопресненских рабочих против каторжного труда и бесправия.

Большевики, которые возглавляют борьбу рабочих, — смелые люди, умеющие всем жертвовать ради великой цели, даже собственной жизнью,—изображены автором правдиво, привлекательно.

Маленький читатель будет их любить. Он научится правильно понимать прошлое.

Но все же нам хочется упрекнуть автора в одном упущении, на наш взгляд немаловажном. Своего главного героя — девочку Клашу — он наделил столь наивными чертами, что порой не поймешь, сколько ей лет.

Это случилось, вероятно, потому, что, приняв за правило изображать больше внешние картины жизни и внешние действия героев, А. Голубева забыла заглянуть во внутренний мир Клаши. Какой бы он маленький ни был, в нем много интересного для детского читателя. И тут приходится лишь пожалеть, что автор не вспомнил «Школу» Гайдара, где Борис Гориков — тоже ученик лет двенадцати — не только действует, но думает о совершающихся вокруг событиях, размышляет о них в меру своего разума. И от этого повествование становится только богаче.

Р. ФРАЕРМАН.

2 **Ю. Ф. ЛИСЯНСКИЙ. «ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА НА КОРАБЛЕ «НЕВА» В 1803—1806 ГОДАХ». Географиздат, 1947 год, 294 стр.**

Русские морские походы продолжались весь XVIII век и первую половину XIX века.

Большинство путешествий имело своею целью посещение северо-западных берегов Америки, где находились русские поселения и действовала Российско-Американская компания.

Книга, изданная сейчас Государственным издательством географической литературы, появилась первый раз в 1812 году. Она является описанием одного из таких путешествий.

Ю. Ф. Лисянский начал свое путешествие из Кронштадта. Выйдя через Ла-Манш в Атлантический океан, Лисянский обогнул Южную Америку и, пройдя мимо Сандвичевых островов, попал в русские владения на Аляске, отсюда в Кантон и морским переходом без остановки в Портсмут.

Книга рассказывает о южных морях, об острове Св. Пасхи, об островах Маркизских, Вашингтоновых, Сандвичевых. Все описания точны, лишены экзотизма и полны уважения к тем народам, с которыми встречался русский мореплаватель.

Говоря о деятельности Российско-Американской компании, Ю. Ф. Лисянский, не скрывая черт эксплоатации в деятельности компании, отмечает, что местные жители угнетены чиновниками, что «столь прибыльный для Компании торг может превратиться в величайший вред для жителей».

Книга Ю. Ф. Лисянского хорошо издана. Вступительная статья принадлежит Н. В. Думитрашко и довольно подробно рассказывает о русских кругосветных плаваньях.

Книга проиллюстрирована рисунками, взятыми, главным образом, из «Путешествия флота капитана Сарычева» и книги Крузенштерна, а также атласа, приложенного к первому изданию сочинения Ю. Ф. Лисянского.

В. ШКЛОВСКИЙ.

Около двух тысяч экспонатов — книг, рукописей, газет, документов, иллюстраций, портретов писателей — размещено на стендах и в витринах выставки «Советская русская литература за 30 лет», открывшейся в залах Государственного литературного музея.

Специальный зал посвящен творчеству А. М. Горького и В. В. Маяковского. Экспозиция других залов отражает литературу отдельных этапов жизни советского государства: эпохи гражданской войны, периода сталинских пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенных лет.

НА СНИМКЕ: Ф. Гладков, Б. Козьмин, П. Вершигора.

Фото Е. ТИХАНОВА.

Всеволод ИВАНОВ

ДУМЫ О БЮДЖЕТЕ

Возвращался я с одного московского завода.

Провожал меня к станции метро токарь Иван Степаныч, занятнейший человек, лет пятидесяти с лишним. Когда-то давно пописывал он стихи в стиле Некрасова, приносил мне на консультацию, а потом писать прекратил. «Углубления нет! Сколько ни пишу, а углубления не вижу, — об'яснил он свое охлаждение к поэзии. — А раз углубления нет, значит, совершенствуйся в другом деле». Однако литературу он понимает тонко и любит о ней поговорить.

Улица перед нами лежит светлая, тихая. Только что выпал снег, ребрышком еще торчит, не улегся, и фонари по нему свет льют, и свет уходит глубоко в снег. Иван Степаныч бьет себя легонько каким-то прутиком по валенку, а в лице свет мысли играет. Думаю, сейчас что-то интересное о литературе скажет. Спрашиваю:

— Вы о чем думаете, Иван Степаныч?

— А думы мои, дорогой, о бюджете.

В газетах печатались выступления делегатов на заседании Верховного Совета СССР, обсуждавшего бюджет 1948 года. Значит, ответ Ивана Степаныча не требовал об'яснений.

— По какой же линии бюджета вы думаете, Иван Степаныч?

— А я по особой линии думаю, дорогой. Той, что и в газете нет. Вот прочел я роман. Современный. Да не один. Несколько! Я к современным романам с интересом приглядываюсь. И вот что подумал... Вот собрался, думаю, Верховный Совет, ведет мысль. Такую мысль, чтобы государству — великая польза, но чтоб и польза эта проводилась с толком. Экономно, в государственном смысле, надо жить! Дело всегда счет любит, а наше дело — особенно. Такого ведь великого дела никогда не было, и, значит, зорко надо смотреть, чтоб народную деньгу на ветер не бросать.

Я ему и говорю:

— Иван Степаныч! Да какая же это у вас особая линия? Линия у вас самая верная. И говорите вы верно!

— А вы меня дослушайте. Я ведь сказал только первое четверостишие. Особая линия будет дальше! Ну, значит, что от нас требуется? Рабочий, скажем? Надо, чтоб и ты сам, и твои друзья работали по-стахановски, по первому классу. Кто не идет первым классом — об'ясни тому, покажи, поучи. Учить тоже надо красиво! — И он с силой сказал: — Из меня, может, и поэта-то потому не вышло, что я всю свою силу в учеников вложил. Очень я, дорогой, учить люблю! И у меня любят учиться. Я считаю, что если ты, Иван Степаныч, в день, как токарь, полкилограмма металла сэкономил, — а у нас есть всегда такая возможность, — ты большое дело совершил! Ведь нас-то Иванов Степанычей, небось, тысяч сто, а то и больше есть. Сумма, а? А теперь, если я другого также научу экономить?! Сумма?

— Очень верно, Иван Степаныч. Но и здесь не вижу я особой вашей линии.

— А линия моя такая, что не нашел я себя в романе. Не себя лично! Я что? Токарь! «Ну, хороший токарь, скоро свою пятилетку досрочно выполню. А вот я чего не нашел. Собрались мы тут в понедельник, в день рожденья Петьки, моего шестого внука. А в воскресенье-то, накануне, товарищ Зверев свой доклад читал. Сижу я вечером, после работы, жду гостей, доклад читаю в газете. Гости входят, в прихожей раздеваются, орденами звенят, а у меня цифры перед глазами. Доклад! И чудно так. Что, думаю, за чудеса? Вроде как бы цифры, а вроде как бы легко читаются?! И все на гостей смотрю. Младший-то сын со мной живет, он — студент МГУ, физик, а трое старших — те в стороне. Один — полковник, семь наград, другой — профессор, механик, а третий — тот... так... певцом хочет быть. Да я его не одобряю. Дублетом поет...

— Дублером?

— Все равно.

— Ну, что вы! Иной дублер — дублер, а, смотришь, и премьера забил.

— Дай бог. А, главное, понимаешь, как гости соберутся, так он ломается. Спой, говорю, Вася, уважь! Он говорит: «Инструмента у тебя, отец, нету». Ха-а! Инструмент-то у тебя, говорю, голова. И на горло ему показываю! А он: «Рояля нету». Чего захотел? Рояль! Вот тебе газета — рояль. Вот тебе тут все вздохи, радости, песня вся тут и все теплые слезы истинные!» А потом посмотрел на васькино лицо — румяный он такой, глаза голубые, веселые, волосы на голове торчком... и чувствую — вот он хороший, да и я уж, его отец, не так плох, а вот инструмента с нами нету! Не можем мы [illegible]. Вот, прочел я в газете, а чтобы обо всем сказать — лишен способности... Вот почему я на роман обиделся, дорогой! Он должен быть моим инструментом. Он должен за меня говорить. Жизнь он должен перекладывать! Цифры — в песню! У нас каждая цифра поет!

Он стоял передо мной взволнованный. И он говорил со мной, как поэт с поэтом! И, быть может, никогда я не слышал более возвышенной, поэтической речи. Его речь гармонировала со всей песней моей души, и с Москвой, которая окружала нас, стояла над нами этой огромной улицей с шестиэтажными домами, с этим глубоким небом, с этими зданиями завода, замыкавшими улицу...

Я мог лишь пробормотать:

— Но ведь вы не все еще романы прочли, Иван Степанович!

Что ему романы? Эпопеей, сотнями эпопей не расскажешь его счастья! Он стоял передо мной, простой русский рабочий, одетый в темную стеганую куртку с барашковым воротником, в высокой барашковой шапке, он стоял, слушал и вряд ли слышал меня. На сердце его пело что-то такое прекрасное, что заглушало все голоса и даже, быть может, и его голос, хотя он и говорил.

Громадная и священная правда скрыта в его словах, громадный и настоящий пафос жизни, пафос строительства!

Двадцать пять лет назад, 16 января 1923 года, В. И. Ленин писал:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а **потом** уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Четверть века со дня написания этих слов — срок немалый. Однако если вглядеться в то, что свершено за эти четверть века советской властью в области культуры, народного образования и здравоохранения, поймешь, что свершено необыкновенное и величайшее. И когда наши люди восхищаются бюджетными ассигнованиями, — это восхищение истинных строителей нового общества, понимающих, что никакой строй, кроме советского, не сможет так переделать мир, не сможет построить такую истинную, советскую культуру, отвечающую высоким требованиям передового человека нашего времени. Советский народ за эти четверть века далеко двинулся вперед.

Советский народ — народ всеобщей грамотности!

Но этого мало. Задачей ближайшего времени будет осуществление всеобщего среднего образования.

СССР будет страною всеобщего среднего образования. Немногие страны мира могут похвастаться всеобщим обязательным начальным образованием. Но всеобщим средним — ни одна страна! Да это и невозможно в условиях капитализма.

По закону о Государственном бюджете на 1948 год видно, что число учащихся в школах всеобщего обучения достигнет 33.200.000 человек. Количество студентов в высших учебных заведениях превысит задание для последнего года пятилетки! 722.000 студентов. Число, превышающее количество студентов всех стран Европы вместе взятых.

За годы довоенных пятилеток было выстроено 60.000 школ. Школа, конечно, дом, но это дом особенного характера. Когда выстроят жилой дом, нужно открыть только двери, и жильцы в'езжают туда со своим имуществом. Школу же нужно наполнить мебелью, туда нужно много книг, учебных пособий, нужно подумать и о кухне для горячих завтраков. А самое главное — нужны кадры учителей, которые создаются годами, усиленным трудом, заботами.

И вот, когда мы завершим эту пятилетку, у нас будет 193.000 школ!

Думаю о нашем народном образовании, и мысли мои невольно вращаются вокруг городов и сел далекой Средней Азии. До революции здесь были пустыни не только географические, но и культурные! Население Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана было почти сплошь безграмотным. В такой небольшой стране, как Киргизия, сейчас работает свыше 1.500 школ, где обучается несколько сот тысяч людей. В Узбекистане число учащихся возросло в 68.5 раза! До революции в Таджикистане и Киргизии не выходило ни одной газеты. В 1939 году там было уже 156 газет. В Киргизии не было ни одного театра. В 1941 году их было там 18!..

Любая национальность нашей страны имеет возможность читать книги и газеты на своем родном языке. Это громадное счастье, расширяющее пределы разума. Человек видит всю обширность земли. Человек входит в мир и познает самого себя, свой народ, познает дружбу народов. Это очень важно для человека — не испытывать страшного трепета перед неведомым, чувствовать вокруг себя друзей.

И. В. Сталин сказал, что наша революция отличается от всех других революций тем, что она дала народу не только свободу от царизма, от капитализма, но и коренное улучшение его материального и культурного положения, что в этом ее сила и непобедимость.

Эта сила, непобедимость позволяют нам, с одной стороны, увеличить программу культурного строительства, а с другой — сократить расходы на вооруженные силы. Миролюбивая политика советского правительства, находящая полную поддержку в своем народе, направлена на расширение культуры, на завоевание высот науки и искусства!

Расширяются и растут театры. Бесчисленны библиотеки. Широким потоком льются сотни миллионов книг, брошюр, газет. Достаточно сказать, что за 30 лет советской власти наши издательства выпустили 11 миллиардов экземпляров книг.

Интеллектуальный рост советского народа поднялся на необыкновенную высоту!

И тем виднее, при свете солнца нашей культуры, мрачные очертания колонн биржи империализма. Последние сообщения из Нью-Йорка говорят, что кое-какие колонны на бирже дали трещины. Приход кризиса несомненен. Пока что слышен только гул землетрясения, но отчетливо, через океаны и горы, видны побледневшие лица империалистов.

Везувий начинает действовать. В Помпее чувствуется запах гари и серы.

А чего ждать другого? Вместо куска хлеба народу империалисты подносят нищету. Вместо культуры — ненависть и отвращение к жизни. Все двери и окна жилищ повернуты к кладбищу, и что удивительного, если человеку империалистического мира и хочется встать во весь рост, да потолок низок, голову поднять некуда.

Вот, к примеру, факты.

Председатель профсоюза американских учителей Лендис недавно сообщил, что с начала войны полмиллиона преподавателей США переменило профессию. Причиной массового бегства учителей из школ является чрезвычайно низкая заработная плата. Бюджет! И не только учителя, но и сами школы в сельских местностях влачат жалкое существование.

«Наши школы, — пишет газета «Нью-Йорк таймс», — не подвергались бомбежкам, как школы Европы, но после двух лет, истекших со времени окончания войны, школы находятся в таком бедственном положении, как будто бы на них нападали тяжелые бомбардировщики».

Да, бомбы! Но бомбы не с бомбардировщиков, а из кратера надвигающегося кризиса. Везувий начинает действовать!

Везувий кризиса говорит убедительно. В 1940/41 году в 150 технических вузах США обучалось 110 тысяч студентов. В 1944/45 учебном году студентов было уже только 38 тысяч. Сейчас их и того меньше. Причина? Нет спроса на инженерно-технические кадры.

Другой бюджет, другие песни!

В конце 1947 года, как вы, наверное, помните, Уоллес привел любопытные цифры о бюджете США.

До войны США ежегодно расходовали на научные исследования около 50 миллионов долларов.

В 1946 году на эти же цели было израсходовано около миллиарда долларов.

Цифра не малая. Можно подумать, что правящие круги США чрезвычайно заботятся о народном просвещении и культуре. Но тогда откуда слова Лендиса и слова «Нью-Йорк таймс», приведенные выше? Клевета получается?

Никакой клеветы здесь нет. Это — бюджет империализма! 90 процентов из сумм, ассигнованных на науку, предназначены войне. Это военные ассигнования. Это пища палачам науки, изготовляющим сверхнаучные розги для тех, кто мечтает о мире и о культуре, о процветании свободы! Это ассигнования для тех, кто, свернув в трубку газетные листы, дует на костер войны, воображая, что искры не полетят в его сторону и что долларом можно заткнуть жерло Везувия.

Вдали от Везувия, не зная кризисов и нищеты, строя коммунизм, советский народ встречает бюджет СССР на 1948 год новыми трудовыми подвигами. Побеждаем мы — строители небывалого в мире социалистического общества, строители нового мира, любящие этот мир истинной любовью, той любовью, которая творит неустанно, неусыпно, непрерывно!

МИЛЛИОНЫ НА СВАЛКАХ

Может быть, не всем известно, что бумагу технологически легче всего и выгоднее делать... из бумаги же — из макулатуры. Не надо валить лес в тайге, не надо доставлять его к месту сплава, сплавлять, вытаскивать из воды, распиливать. Из тонны макулатуры получается почти та же тонна бумаги — огромная экономия сил и времени. Вот почему вопрос об «отдаче», о проценте возврата отходов на бумажные фабрики всегда занимал внимание работников бумажной промышленности.

Это — проблема большой экономической важности. На каждой тонне бумаги, выработанной из макулатуры, государство экономит 4 кубометра балансовой древесины и 330 киловатт-часов электроэнергии, не считая топлива, необходимого для выработки электричества.

В 1950 году бумажная промышленность должна выработать из макулатуры десятую часть годовой продукции. Это сэкономит 100 тысяч тонн целлюлозы, 400 тысяч тонн древесины и 40 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Но и эта наметка далеко не является идеалом, можно добиться большего.

Советские писатели, оказывающие помощь работникам бумажной промышленности в выполнении пятилетки в четыре года, не могут пройти мимо этого большого вопроса. Пока еще только два процента выпускаемой бумаги производится из макулатуры, то-есть, по сути, почти ничего не делается. Ряд бумажных фабрик — «Альбертин», «Искра Октября», «Профинтерн», «Энсо», имени Воровского, **которые до войны работали исключительно на макулатуре, да еще самых низких сортов, даже на оберточной бумаге, сейчас перерабатывают чистейшую целлюлозу. Растрата народных средств, прямое преступление!**

Заготовляют макулатуру не только для бумажной промышленности, но и для других отраслей несколько организаций. Но все они, вместе взятые, обеспечили в прошлом году «отдачу» только в размере... 5 процентов выпущенной бумаги. А «Союзутиль», являющийся главным поставщиком макулатуры для бумажной промышленности, заготовил и того меньше — в десять раз меньше, чем до войны! И все это потому, что вся деятельность «Союзутиля» по заготовке бумажной макулатуры заведомо построена в расчете на провал, начиная от бессмысленной «политики» заготовки и кончая ее скандальной практикой.

«Политика» выражена в том, что школьнику в деревне, аккуратно собирающему свои старые тетради, предлагается в качестве стимула за это либо... туалетная бумага, либо двенадцатирублевый блокнот с отпечатанным справочником о движении поездов в СССР. А поскольку за килограмм макулатуры «Союзутиль» платит 4 копейки, ученику надо накопить... 300 килограммов старых тетрадей — девятнадцать пудов... Не то что школьнику, — писателю не «заработать» в «Союзутиле» на блокнот, не исписать столько бумаги!

Некрасовский «союзутиль» слыл более оборотистым. У дядюшки у Якова товару было всякого. Школьникам — буквари, слаще ореха, красным девицам — ситцу хорошего, нарядно, дешево, платочки пестры, булавки востры, иглы неломки, шнурки, тесемки, духи, помада — все, что надо.

Но все это только присказка, сказка — впереди... Сказка начинается с того момента, как «Союзутиль» приступает к вывозке заготовленной макулатуры. Во всей системе «Союзутиля» числится 1.750 лошадей, из коих по официальной справке главка — 1.156 лошадей в возрасте свыше 20 лет...

А складские помещения? Как правило, они — чистое поле, причем хорошо еще, если чистое; довольно часто хлещут дожди и валит снег. Даже в Москве нет у «Союзутиля» ни склада, ни сортировки, ни прессового хозяйства, нехватает и транспорта. В результате крупные поставщики макулатуры — большие издательства и типографии, чтобы не захламить свои цехи и дворы, вынуждены сжигать макулатуру или раздавать ее десятками мешков — «на подпалку».

В Пензе не решаются, повидимому, жечь макулатуру, и там гниет сейчас под чистым небом огромное количество бумажных обрезков, в Иванове — то же...

«Союзутиль» покупает макулатуру по 4 коп. за килограмм, а продает ее бумажной промышленности по 40 копеек. Тысяча процентов накладных расходов — вещь как будто недопустимая.

Вот на какую «солидную» заготовительную организацию опирается союзная бумажная промышленность, собирающаяся в 1950 году сэкономить на макулатуре 400 тысяч тонн древесины и 40 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Не добиться этого, если немедленно, сегодня же коренным образом не изменить работу «Союзутиля».

И здесь претензии должны быть прежде всего обращены к Министерству легкой промышленности. Одно из двух: либо «Союзутиль» в тягость министерству, и тогда надо об этом открыто заявить, либо надо заняться «Союзутилем» серьезно, не позоря себя. Тогда, кроме двенадцатирублевых блокнотов, появятся иные стимулирующие фонды для заготовки макулатуры и в городе и в деревне, появятся и склады, и транспорт, и многое другое, без чего немыслимо существование этой организации. Надо, чтобы Министерство легкой промышленности прониклось уважением к тому делу, которое ему доверили и за которое оно отвечает. Нужно помнить, что макулатура в экономике тоже играет роль. В 1919 году Владимир Ильич Ленин подписал постановление Совета Обороны о снабжении сырьем бумажной промышленности. В этом постановлении бумажная макулатура называлась грузом боевого значения, грузом первостепенной важности, перевозка которого должна быть обеспечена в первую очередь. А в Министерстве легкой промышленности все заявки «Союзутиля» на железнодорожные вагоны под макулатуру систематически сокращаются чуть ли не вдвое, и бумажные фабрики транжирят ценнейшую целлюлозу на изготовление оберточной бумаги.

Мы настаиваем, чтобы организации, отвечающие за сбор и переработку макулатуры, заявили ясно — намерены ли они изменить создавшееся положение, — и как?

А. АГРАНОВСКИЙ.

Памяти С. М. Эйзенштейна

Умер Эйзенштейн. Тягостно писать эти два слова рядом. Трудно представить себе наш советский кинематограф без Эйзенштейна. Трудно, может быть, потому, что с ним, с его именем, для многих из нас связаны были наши первые шаги в кинематографии. Но разве его уже нет среди нас? Нет, он попрежнему с нами, в нашем общем труде, в нашей советской кинематографии, силу и всесветную славу которой он утверждал всем своим трудом, всей своей жизнью.

Вспомним фильм «Броненосец «Потемкин». Когда он появился на экране, то и друзья и недруги наши во всем мире оценили крепнущую, растущую силу киноискусства советской страны. «Броненосец» Эйзенштейна пронес по всем экранам мира победный флаг, поднятый на мачте революционного корабля. Сколько наших друзей во всем мире вдохновил этот показанный в фильме облик борющегося и побеждающего революционного русского народа! В какое смятенье привел он врагов нашей Родины!

Уже в «Стачке» — первой картине С. М. Эйзенштейна — появляется новый для кинематографа герой — народ, борющийся за свое будущее. Это было действенное и реальное ниспровержение канонических героев буржуазных кинокартин и утверждение на экране нового образа, которому принадлежит будущее и в жизни, и в искусстве. И этому своему герою Сергей Михайлович не изменил ни разу. Народ был героем не только «Стачки» и «Броненосца «Потемкина», — он, его стремления, чаяния и достижения были в центре всех работ Эйзенштейна, вплоть до «Александра Невского» и первой серии «Ивана Грозного».

Он был замечательным воспитателем, этот выдающийся человек. С удивительным терпением и искусством умел он в каждом найти и взрастить собственное его дарование. Он не учил своих воспитанников подражать учителю. Он утверждал в их сознании принципы, методы познания искусства, открывая широкий простор их собственным стремлениям, талантам, их самобытному творчеству.

Он был взыскательным художником и страстным тружеником искусства.

Его любовь к труду была ни с чем не сравнима. Все свои знания он вкладывал в свое любимое дело — в развитие советского высоко-идейного киноискусства. Одно стремление владело его сердцем — служить родной стране и ее искусству, найти и воспитать новых, знающих, способных работников, которые могли бы продолжить и еще выше поднять славу советской кинематографии. Этой цели он отдал всю свою жизнь до последнего мгновения. Смерть застигла его за работой.

Он умер ночью. Когда наутро мы вошли к нему, мы не сразу поверили в истинность страшного известия. Настолько все еще полно было здесь биением страстной мысли, дыханием непрерывного труда, тем жадным трудолюбием, с каким всегда работал Сергей Михайлович. В его обширной библиотеке множество раскрытых книг еще как бы хранили пытливый взгляд их хозяина. Здесь были произведения Маркса, сочинения Ленина, книги товарища Сталина, — в трудах классиков марксизма Сергей Михайлович пытливо искал и всегда находил ответ на волнующие его вопросы. Были книги Пушкина и Гоголя, — над исследованием их творчества Эйзенштейн работал в последнее время. Мы нашли здесь незавершенный труд о цветном и стереоскопическом кинематографе. Записки об ошибках крупнейшего американского режиссера Джона Форда. Материалы, подготовленные для ниспровержения новых буржуазных теоретиков кинематографа. И тут же — планы лекций для режиссерского факультета Института кинематографии. И огромное количество книг, статей, рукописей, иллюстраций и записок — все это собрано было для того, чтобы, как мечтал Эйзенштейн, заново снять вторую серию картины «Иван Грозный», ошибки которой он так сурово осудил.

Он умер над книгой, с карандашом в руке, не додумав последней мысли. Так умирают солдаты на своем посту. Он служил Родине, как художник и как патриот, отдав любимому им советскому кинематографу всю жизнь до последнего дыхания.

Гр. АЛЕКСАНДРОВ.

* * *

Вчера в помещении Дома кино, где был установлен гроб с телом С. М. Эйзенштейна, состоялся траурный митинг.

Митинг открыл режиссер Г. Александров.

Министр кинематографии СССР И. Большаков говорил об Эйзенштейне, как о выдающемся мастере советского киноискусства, крупном ученом, блестящем педагоге, пламенном патриоте.

От Союза советских писателей СССР яркую речь произнес заместитель генерального секретаря Всеволод Вишневский.

— Красный флаг над «Броненосцем «Потемкиным», — сказал Вишневский, — это знамя советского киноискусства, пронесенное над миром. Блистательна была жизнь Эйзенштейна, выдающегося художника, создавшего этот замечательный фильм.

Он умер на боевом посту. Врачи требовали полного выключения из работы, но Эйзенштейн не хотел выходить из строя. Еще недавно мы слушали в этом зале, как гневно клеймил Сергей Михайлович реакционных деятелей американского кино, продавших свою творческую совесть. Я был в кабинете Эйзенштейна через несколько часов после его смерти. На письменном столе лежала недописанная статья о перспективах развития цветного кино. Обрывается она на словах о Родине. С мыслью о Родине пал он, как воин.

С. Образцов призвал мастеров советского искусства быть такими же кристально честными в своем отношении к работе, к людям, к Родине, каким был Сергей Михайлович Эйзенштейн.

С речами у гроба выступили также И. Майский, Н. Подвойский и другие.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Обсуждение повести В. Добровольского «Трое в серых шинелях»

Состоялось обсуждение повести В. Добровольского «Трое в серых шинелях», организованное секцией прозы и комиссией по работе с молодыми авторами.

После вступительного слова А. Кононова с обстоятельным разбором повести выступила Е. Златова. Положительно оценивая произведение молодого прозаика, Златова считает основным достоинством повести моральную чистоту и высокую принципиальность ее героев. Однако автор, умеющий правдиво и точно показать черты нового в психологии, в быту, в дружеских отношениях советских студентов, становится торопливым и сухим, когда дело доходит до изображения главного в жизни студенчества — учебы. Не переданы в повести творческие искания и споры, неот'емлемые от жизни университета.

— Повесть Добровольского свидетельствует о закономерно возросшем интересе советской литературы к теме студенчества, — говорит М. Чарный. — Однако студенты изображены автором больше с точки зрения новой морали, существующей в их среде — сплоченной среде советской молодежи; учеба же, поэзия науки не нашли достаточного отражения в повести.

М. Чарный полемизирует с несправедливым обвинением повести в декадентстве. Это обвинение опровергается анализом произведения. Изображая студента Черкашина, рабочего Попова и его мать, которых об'единяют общие интересы, общее чувство ответственности советских людей за все происходящее в стране и мире, В. Добровольский на языке художественных образов показал морально-политическое единство советского народа.

К положительной оценке повести присоединились критики Г. Левин и С. Трегуб. А. Чаковский посвятил свое выступление недостаткам нашей литературной критики, в которой дает себя знать заушательство.

Автор повести «Трое в серых шинелях» В. Добровольский, поблагодарив за ценные критические замечания и советы, сказал, что ряд недостатков повести может быть устранен при подготовке ее отдельного издания, другие же, видимо, будут преодолены только в дальнейшем творчестве.

В заключительном слове А. Кононов заявил, что опубликование повести молодого писателя является правильным шагом редакции журнала «Новый мир», несмотря на недостатки произведения. Об'ективное указание на эти недостатки — дело литературной критики.

О ПЬЕСЕ Г. БЕРЕЗКО «МУЖЕСТВО»

10 февраля состоялось совместное заседание секции драматургов с секцией критики и теории литературы, посвященное обсуждению пьесы Г. Березко «Мужество».

Выступавшие Я. Варшавский, Е. Сурков, Вс. Вишневский, Б. Чирсков, К. Рудницкий отмечали художественные достоинства этого произведения, знание драматургом действительной жизни.

О недостатках центрального образа — командарма Рябинина говорили Л. Малюгин, А. Софронов, артист П. Герага.

— Благородная задача — показать полководца, взращенного партией, — сказал А. Софронов, — не разрешена драматургом. Наша партия сильна тем, что она крепко спаяна. Рябинин же одинок в пьесе.

На обсуждении выступил Г. Березко, который сообщил, что пьеса подвергнута им дополнительной переработке.

«ЗА МИР, ЗА ДЕМОКРАТИЮ!»

Состоявшиеся на-днях в аудитории Политехнического музея и в Колонном зале Дома союзов большие поэтические вечера привлекли широкое внимание столичной общественности.

Вступительные речи Д. Заславского и А. Суркова были посвящены боевым задачам советской поэзии в борьбе за мир, за демократию. Поэты разных поколений и творческих направлений выступили со стихами и поэмами единого идейного устремления.

П. Антокольский и С. Наровчатов читали стихи о столетии Коммунистического манифеста, Илья Эренбург и М. Светлов — о героической борьбе республиканцев Испании. В. Инбер прочитала главы из новой поэмы об Иране.

А. Софронов, Е. Долматовский, А. Безыменский посвятили свои стихи теме большевистской партии и подвигам советского народа в Великой Отечественной войне.

А. Жаров, Я. Смеляков, В. Луговской выступили со стихами об освободительном движении в Китае и Греции.

В стихотворениях М. Голодного, И. Сельвинского, С. Островского прозвучал протест против американских поджигателей войны, против капиталистической экспансии.

Н. Асеев, М. Алигер, Б. Пастернак, С. Щипачев, А. Недогонов, С. Васильев и др. читали лирические стихи о советской Родине, ставшей оплотом мира и подлинной народной демократии.

Председательствовал на обоих вечерах Б. Горбатов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01117.